

ПЕРЕМИРИЕ КАК КОМПОНЕНТ ВОЙНЫ, ЭТАП МИРНОГО ПРОЦЕССА ИЛИ ФОРМАТ «НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ»

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

Перемирия все более актуальны для современных вооружённых конфликтов и их урегулирования. В первые два десятилетия XXI века они также стали наиболее распространённой формой завершения конфликта, если он вообще имел какой-то выраженный исход. При этом почти половина перемирий либо ещё не является частью процесса политического урегулирования ключевых противоречий, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние, либо вообще не имеет отношения к мирному процессу. Перемирие в его традиционном понимании – как технический этап на пути к миру – всё чаще превращается в перемирие в отсутствие мира, становится прагматичной альтернативой буксующему мирному процессу. Какие цели преследуют и какие функции выполняют перемирия на разных стадиях конфликта, включая мирный процесс, но не ограничиваясь им? Какие основные типы перемирий можно выделить на основе их функций по отношению к конфликту и глубинного целеполагания сторон? Статья посвящена поиску ответов на эти вопросы на концептуально-теоретическом и эмпирическом уровнях на основе анализа статистических данных и конкретных примеров в различных контекстах, при особом внимании к конфликтам в Сирии и на Донбассе. Предложена оригинальная функционально-целевая типология перемирий, согласно которой они подразделяются на три типа: перемирия как часть военных действий, перемирия «ради мира», то есть создания условий для мирных переговоров и содействия им, и перемирия как формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в том числе как средство его упорядочивания вплоть до достижения определённой стабилизации. Практический смысл такой типологии состоит в прояснении вопроса об эффективности – успехе или провале – перемирия, от которого нет смысла ожидать одного результата в условиях, когда одна или все его стороны сознательно работают на иной результат, а также роли фактора насилия на этапе перемирия, которое может решать свои основные задачи даже в том случае, когда оно не ведёт к устойчивому прекращению огня.

Ключевые слова:

перемирия; вооружённые конфликты; мирные процессы; насилие; функционально-целевая типология.

Формат перемирий всё более актуален для современных вооружённых конфликтов и путей их урегулирования. Это в полной мере касается и тех немногих, но ин-

тенсивных конфликтов 2010-х – начала 2020-х годов, в урегулировании которых одну из лидирующих ролей играла Россия – в первую очередь, конфликтов в Сирии и

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2023

Дата принятия к публикации: 19.06.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: stepanova@imemo.ru

на Украине. В контексте интернационализованной гражданской войны в Сирии к началу 2023 г. были заключены или объявлены 77 перемирий [подсчитано автором по PA-X: Version 7], а согласно более детальному учёту только локальных перемирий, за период 2011–2021 годов их насчитывалось более 140 [Karakuş 2023]. При этом перемирия в Сирии множились и распространялись не в рамках поступательного мирного процесса с участием сторон конфликта, а на фоне хронических провалов женевских мирных переговоров под эгидой ООН, устойчивого тупика в политическом урегулировании и возраставшей роли военно-стабилизационных методов и альтернативных переговорных форматов в снижении уровня вооружённого насилия. Полтора десятка перемирий на Донбассе, объявленных за период с подписания в 2014–2015 годах Минских соглашений и до новой фазы конфликта с конца февраля 2022 года, формально были частью мирного процесса. В то же время эти перемирия не просто хронически нарушались, а на деле сводились скорее к оформлению временного снижения интенсивности вооружённого противостояния до уровня «малого конфликта».

Перемирия – распространённое и типичное явление в контексте современных вооружённых конфликтов и процессов их урегулирования. За период с 1989–1990 по начало 2020-х годов общее число перемирий в мире – включая специальные договорённости или декларации о перемирии и разделы о перемирии в рамках более широких мирных соглашений – было довольно велико. В зависимости от методики их подсчёта оно варьируется в диапазоне от чуть менее одной тысячи до более двух тысяч¹. Перемирия объявляют на разных стадиях

конфликта и процесса перехода к миру, их в той или иной мере пытаются хотя бы временно соблюдать, порой они длятся годами или десятилетиями и неоднократно продлеваются, но нередко разваливаются или прерываются, иногда возобновляясь. В первые десятилетия XXI века актуальность этого формата росла, несмотря на устойчивые проблемы с его эффективностью, на его сложную взаимосвязь с процессом мирного урегулирования или вообще на отсутствие такой взаимосвязи.

При всей важности количественных показателей, наиболее серьёзные сдвиги назрели именно в концептуальном понимании качественного содержания и эволюции перемирий. В немногочисленных научных работах, посвящённых этой проблематике (до резкого подъёма внимания к ней зарубежных исследователей с конца 2010-х годов)², перемирия традиционно определялись исключительно как договорные или односторонние мероприятия по прекращению насилия [Chounet-Cambas 2011] или/и как переходный этап от войны к мирному соглашению в рамках мирного процесса [Forster 2019: 2; Åkebo 2016]. В целом перемирия рассматривались как «прекращение или прерывание военных действий вне зависимости от того, означает ли оно конец войны» [Fortna 2004]. Согласно авторитетной Уппсальской программе данных о конфликтах, перемирия – это ещё и один из возможных вариантов исхода конфликта (наряду с мирными соглашениями, военной победой одной из сторон и др.) [Kreutz 2021]. Важно то, что в общественных науках и гражданской экспертной аналитике перемирия и степень их эффективности определялись и оценивались почти исключительно в плане их

¹ От 926 за период с 1990 г. по январь 2023 г. [подсчитано автором по PA-X: Version 7] до 2202 перемирий в 1989–2020 годах, по данным базы ETH/PRIO CF [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1430–1431].

² См. обзор современной зарубежной научной литературы по перемириям [Clayton, Nygård, Rustad, Strand 2023]. В отечественной политологии феномен перемирий теоретически и вообще специально не изучался; в научных работах, опубликованных на русском языке, перемирия затрагиваются в контексте урегулирования отдельных вооружённых конфликтов и, за некоторыми исключениями [Давыдов, Новичкова 2020; Дронова 2017], в основном историками [из недавних работ см.: Полякова 2022; Бебешко, Шипилин 2020; Ки Кван Со 2020].

способности прекратить или сократить вооружённое насилие *на пути к миру*.

Между тем соотношение и взаимосвязь перемирий и процессов политического урегулирования конфликтов путём мирных переговоров далеко не так очевидны, как кажутся, и слабо изучены. До сих пор мало ясности в том, как на переговоры по урегулированию ключевых противоречий между сторонами конфликта (то есть на мирный процесс)³ влияют такие факторы, как соблюдение и нарушения перемирия, его успех или провал, его темпоральное и содержательное соотношение с переговорами о политическом урегулировании [Bara, Clayton, Rustad 2021: 336]. До недавнего времени в политологической литературе практически игнорировался тот факт, что перемирия необязательно являются частью мирного процесса и могут выполнять разные функции в конфликте, в том числе не имеющие явного — или вообще никакого — отношения к попыткам его мирного урегулирования. В целом системной оценки влияния перемирий на конфликт и мирный процесс не проводилось.

Одна из задач этой статьи — развеять всё ещё распространённую иллюзию о том, что перемирия, как правило, служат лишь частью, предвестником или этапом более широкого мирного процесса. Эта задача особенно актуальна на фоне современных тенденций и изменений в характере самих конфликтов, а также в методах и формах их урегулирования. Среди этих тенденций — продолжающееся снижение доли как комплексных, финальных мирных договорённостей, так и военных побед среди исходов конфликтов [UCDP Conflict Termination Dataset: Version 3-2021] на фоне распространения перемирий, частичных и локальных соглашений [Badanjak 2022]. Перемирие в его традиционном понимании — как технический *этап на пути к миру* — всё чаще пре-

вращается в *перемирие в отсутствие мира*, становится прагматичной альтернативой буксующему мирному процессу или просто фиксирует и формализует бесконечное состояние «ни мира, ни войны», в том числе в условиях так называемых замороженных конфликтов. Перемирия также могут служить своеобразной формой упорядочивания самой войны и даже процессом выхода из неё в отсутствие какого-либо однозначного решения, будь то мирного или военного.

В более прикладном смысле традиционный подход к перемириям как к техническим мероприятиям по прекращению огня всё сильнее мешает адекватной оценке фактора вооружённого насилия и работе с ним на этапе перемирия. Согласно этой интерпретации, *во-первых*, насилие почти исключительно рассматривается как нарушение перемирия. *Во-вторых*, подразумевается, что непосредственное прекращение насилия является не просто главной, но и единственной целью перемирия (без учёта иных, в том числе более глубинных, целей, которые оно может преследовать).

Какие цели преследуют и какие функции выполняют перемирия в динамике конфликта на разных его стадиях, включая мирный процесс, но не ограничиваясь им? Как перемирия влияют на эту динамику? Какие основные типы перемирий можно выделить на основе их целей и функций по отношению к вооружённому конфликту? В чём состоит роль и смысл фактора насилия на этапе перемирия и как он зависит от функционально-целевого типа перемирия? Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы на концептуально-теоретическом и эмпирическом уровнях на основе анализа статистических данных и конкретных примеров из разных контекстов. Выбор в качестве основных контекстов конфликтов в Сирии и на Донбассе⁴ про-

³ Мирный процесс определяется как «усилия по прекращению вооружённого конфликта путём диалога (переговоров) между представителями основных конфликтующих сторон по ключевым вопросам, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние» [Степанова 2022].

⁴ В статье используются данные по перемириям на Донбассе в период с 2014 по февраль 2022, то есть на этапе до и в ходе действия Минского мирного процесса. Этот этап завершился с началом в феврале 2022 г. российской специальной военной операции и переходом конфликта в форму межгосударственного.

диктован широким применением в них перемирий и тем, что они представляют два макрорегиона (Ближний Восток и Европу/Евразию), лидировавших по числу перемирий с 2010-х годов, а также острой актуальностью обоих кейсов для России.

Перемирия: определение и основные тенденции

Представляется целесообразным начать с проблемы определения понятия «перемирия» и краткого анализа основных тенденций и параметров перемирий в контексте современных конфликтов и их регулирования. Эту проблему будет разумно проиллюстрировать не только в виде теоретических дискуссий, в лучшем случае построенных на опыте регулирования конкретных конфликтов или их небольшой выборки, но и в связи с уже появившимися научными базами данных по перемириям. Серьёзной разницей в тенденциях в сфере перемирий и в их основных параметрах, которые можно выявить на основе различных баз данных, объясняется прежде всего тем, как по-разному их методологи определяют само понятие «перемирие».

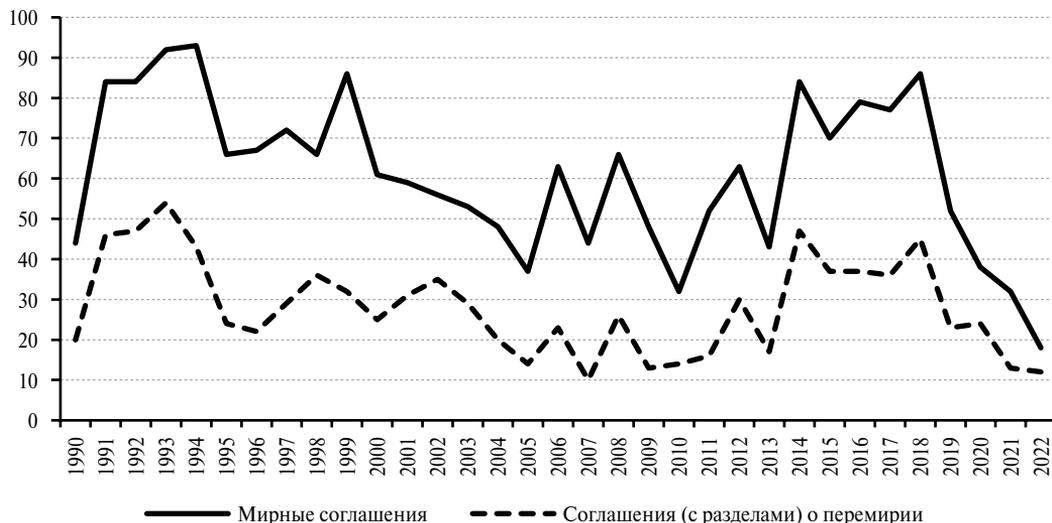
Из современных определений наиболее сильная привязка перемирий к мирным процессам практикуется в рамках самой широкой базы данных по мирным соглашениям, разработанной в Эдинбургском университете (PA-X). Её методологи определяют перемирия как «взятое на себя сторонами обязательство прекратить любые акты агрессии на земле, море, в воздухе и любые другие действия, которые подрывают дух перемирия или идущий мирный процесс» [Forster 2019: 2], то есть понятие «мирный процесс» фигурирует уже в самом определении перемирия. При этом «соглашениями о перемирии» считаются только «тексты, которые в основном содержат обязательства сторон прекратить насилие, временно или на неопределённый период» [Bell, Wise 2022: 389].

К. Бара, Г. Клейтон и С.А. Рустад предлагают более широкий и менее формальный подход, согласно которому «перемирия – это любой формат, в рамках которого сторона конфликта берёт на себя обязательство по временному или permanently прекращению насилия» [Bara, Clayton, Rustad 2021: 332]. Это более адекватное определение, так как оно (а) сформулировано без прямой привязки к мирному процессу; (б) включает не только взаимное (двустороннее), но и одностороннее, а также многостороннее прекращение огня; (в) не требует обязательной письменной фиксации перемирия, то есть включает в себя и устные договорённости, и не переоценивает соглашения на бумаге⁵.

М. Окебо определяет перемирия чуть более подробно – как решения о прекращении огня и связанные с ним процедуры: «ключевой предпосылкой соглашения о перемирии является согласие сторон прекратить огонь, но соглашение также определяет правила и условия этих усилий» [Åkebo 2016: 3]. Данные определения близки к тому, которое используется в совместной базе данных по перемириям ETH/PRIO CF Федерального института технологии и Цюрихе (Eidgenössische Technische Hochschule Zürich, ETH) и Института исследования мира в Осло (Peace Research Institute in Oslo, PRIO). Согласно ему, перемирия – это форматы, которые включают в себя декларацию о временном или постоянном прекращении огня с определённого момента времени со стороны хотя бы одного участника конфликта [ETH/PRIO CF]. Это широкое определение позволяет охватить полный спектр соответствующих инициатив и договорённостей, от кратких односторонних устных заявлений до формальных и детальных многосторонних соглашений. В данной статье принимается допустимость использования любого из указанных более широких определений.

⁵ Средняя длина соглашений о перемирии «на бумаге» не превышает трёх страниц [Bell, Wise 2022: 391]. Порой соглашение о перемирии или раздел о перемирии в рамках более широкого соглашения ограничивается 1–2 абзацами или даже несколькими строками.

Рисунок 1
Мирные соглашения и соглашения (с разделами) о перемирии, 1990–2022

Источник: подсчитано автором по PA-X: Version 7. 2023.

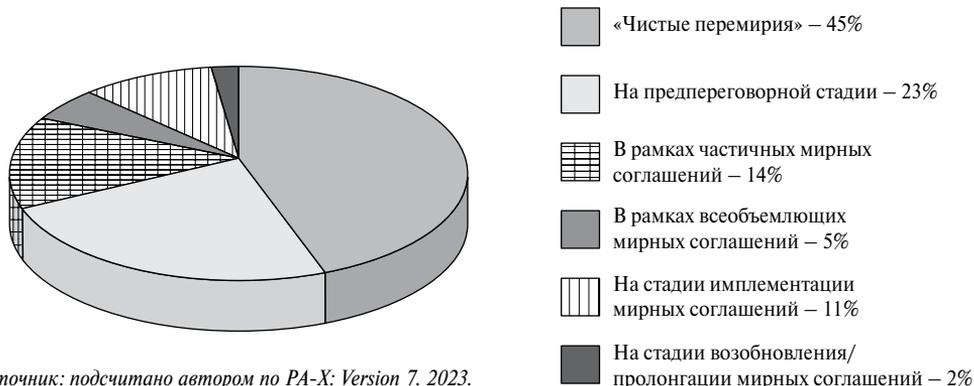
Важность проблемы определения в том, что оно проецируется и на статистику по перемириям, а значит, влияет на выявление тенденций в этой сфере. Например, в трёх основных международных базах данных показатели часто сильно, а иногда дажекратно разнятся именно потому, что они по-разному определяют перемирие и, соответственно, не всегда отслеживают, подсчитывают и кодируют одно и то же явление. Например, из 2003 соглашений, содержащихся в версии 7 базы PA-X с данными за период с 1990 г. по январь 2023 г. [PA-X: Version 7], зафиксировано 926 перемирий или соглашений с разделами о перемириях (рис. 1). В силу более узкого определения, которое используется в PA-X (только соглашения, тексты которых официально зафиксированы на бумаге), это число более чем в два раза ниже, чем число перемирий, которое фиксирует база данных ETH/PRIО CF за чуть более короткий период (2202 перемирия в 1989–2020 годах) [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler

2023: 1430–1431]. То же наблюдается и в отношении конкретных конфликтов: например, в конфликте на Донбассе за период с 2014 по конец 2021 г. в PA-X зарегистрировано лишь девять соглашений о перемирии или содержащих положения о перемирии, тогда как только в данной статье используются данные по 16 перемириям⁶.

Несмотря на предпочтительность более широкого определения перемирий для их качественного анализа, для выявления количественных тенденций в этой сфере пока в основном приходится пользоваться базой PA-X. База данных ETH/PRIО CF не размещена в открытом доступе: все выкладки по ней сделаны её же методологами и аналитиками ETH и PRIО, а сам массив данных пока недоступен внешним исследователям для независимого анализа и проверки. База данных по мирным соглашениям Уппсальского университета (UCDP/PA) не выделяет отдельным разделом перемирия и не включает «чистые перемирия», а указывает лишь на разделы

⁶ По подсчётам автора. Отдельные специалисты насчитывают до 20 перемирий на Донбассе за период с 2014 по 2021 год [Matveeva 2022: 98].

Рисунок 2.
Перемирия по отношению к стадиям мирного процесса, 1990–2022

Источник: подсчитано автором по PA-X: Version 7. 2023.

о перемирии в более широких мирных соглашениях [UCDP/PA: Version 22.1, о методологии см.: Höglbladh 2022].

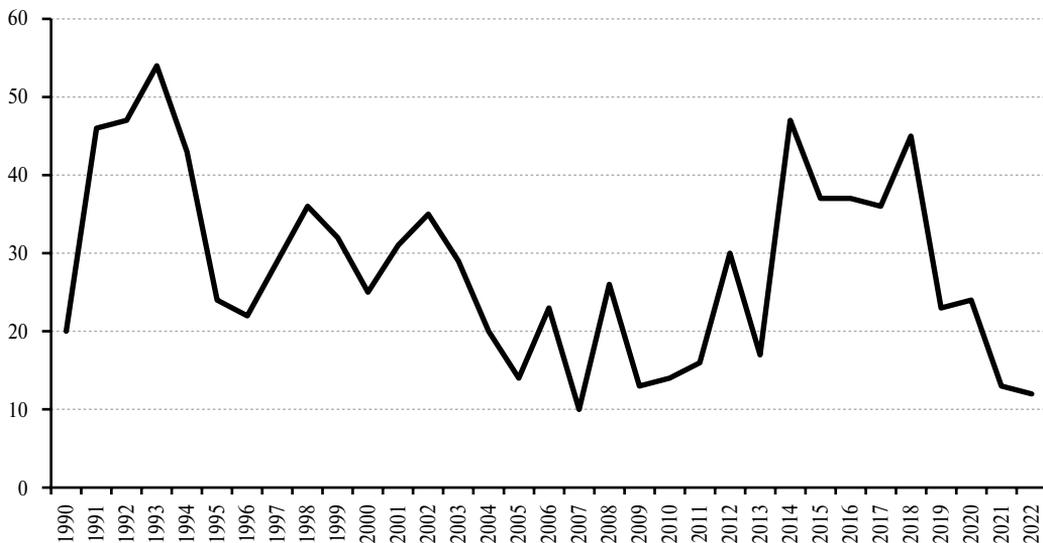
Из 926 перемирий или соглашений с разделами о перемириях, зафиксированных PA-X за период с 1990 по январь 2023 года, 412 соглашений, то есть почти 45% (44,5%), не только сосредоточены именно на прекращении огня, но и отнесены базой PA-X к отдельной стадии *перемирия* (в отличие от предпереговорной стадии, этапов заключения и реализации частичных или комплексных мирных соглашений и иных стадий *мирного процесса*) [подсчитано по PA-X: Version 7]. Это так называемые *чистые перемирия* – соглашения о формате прекращения огня и его технических аспектах, не связанные с содержательной частью мирного процесса, то есть с переговорами и соглашениями о политических и иных ключевых вопросах вооружённого противостояния. Таким образом, даже с учётом неполного характера данных PA-X (заниженного числа перемирий в силу их узкого определения) и субъективной предрасположенности специалистов PA-X в пользу мирных процессов, почти половина всех перемирий заключается вне прямой связи с процессом мирного урегулирования. Остальные 514 соглашений содержат лишь отдельные пункты или разделы о переми-

рии, то есть в первую очередь посвящены другим вопросам и привязаны к одной из содержательных или процедурных стадий мирного процесса: предпереговорной стадии, включая соглашения о ведении самих переговоров (дорожные карты), этапам частичных или комплексных мирных договорённостей, стадии их реализации, доработки и/или пересмотра их условий или этапу возобновления или пролонгации мирных соглашений (рис. 2).

На протяжении трёх десятилетий после окончания «холодной войны» частота заключения перемирий была крайне неравномерной (рис. 3), но отражала динамику самих вооружённых конфликтов, то есть подъёмы, пики и спады числа соглашений о перемирии в целом соответствовали динамике показателей общемирового числа конфликтов в год. В плане регионального распределения за последние 30 лет большинство вооружённых конфликтов велось в Африке и Азии. Если учитывать все перемирия (включая чётко привязанные к той или иной стадии мирного процесса), то по этому показателю за весь период с 1990 по 2022 г. также лидирует Африка, а Азиатско-Тихоокеанский регион входит в тройку лидеров (следом за Европой/Евразией)⁷. Вместе с тем по числу «чистых перемирий», без прямой привязки к мирным процессам,

⁷ В данном случае в PA-X Европа и постсоветская Евразия рассматриваются как один макрорегион.

Рисунок 3
 Соглашения о перемириях или с разделами о перемириях, 1990–2022

Подсчитано автором по PA-X: Version 7. 2023.

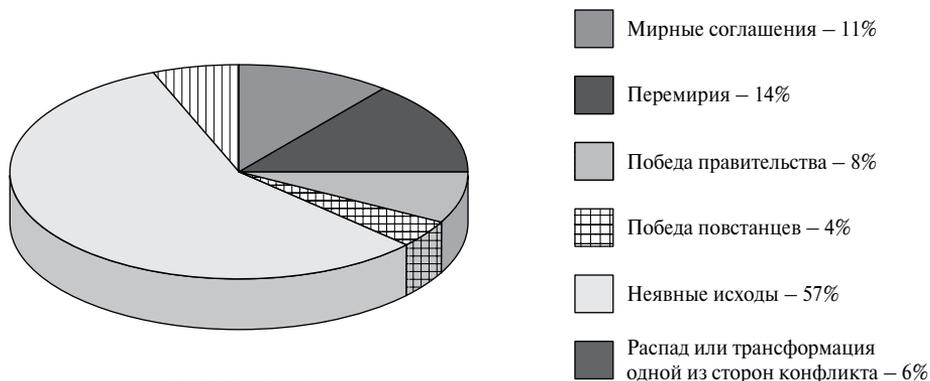
в лидерах – Европа/Евразия (114 перемирий) и Ближний Восток и Северная Африка (107 перемирий) [подсчитано по PA-X: Version 7]. По данным ETH/PRIО CF, эти же два макрорегиона, но в другом порядке – Ближний Восток и Европа – лидируют по всем перемириям за последнее полное десятилетие (2010-е годы) [ETH/PRIО CF 2022: Fig. 2; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Fig. 3: 1440].

Как уже отмечалось, в пользу базы данных ETH/PRIО CF говорит более широкий охват перемирий: 2202 перемирия в 109 конфликтах в 66 странах в 1989–2020 годах [о методологии см.: Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023]. Она также совместима с основной международной научной базой данных о вооружённых конфликтах Уппсальского университета и Института исследований мира в Осло (UCDP/PRIО Armed

Conflict Dataset). Однако главным минусом ETH/PRIО CF пока остаётся отсутствие открытого доступа к таблицам данных, то есть возможности самостоятельной работы с ней для других исследователей⁸. По данным, обнародованным самими специалистами ETH/PRIО CF, в половине всех конфликтов в мире фиксировалось, как минимум, одно перемирие, а в среднем ежегодно в ходе около трети конфликтов фиксируется хотя бы одно перемирие [ETH/PRIО CF]. Тем не менее и специалисты ETH/PRIО CF вынуждены признать, что учёным пока не удалось систематически оценить влияние перемирий на ход конфликтов. Отчасти это объясняется тем, что от 70 до 76% перемирий не имеют механизмов верификации соблюдения их условий [Bara, Clayton, Rustad 2021: 330; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441].

⁸ Среди других методологических недостатков базы данных ETH/PRIО CF можно отметить, что она включает данные только по тем перемириям, где хотя бы одна из сторон – государство, тем самым игнорируя значительную часть локальных перемирий (то есть все те из них, которые заключаются между негосударственными вооружёнными акторами). Локальные перемирия частично включены в соответствующую специализированную базу в рамках PA-X [PA-Local 2023], а, например, в Сирии они составили одну из наиболее распространённых форм перемирий.

Рисунок 4
Исходы конфликтов, 2001–2020

Подсчитано автором по: UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3–2021. 1946–2020.

Первая, ограниченная, попытка систематически сопоставить вооружённые конфликты и перемирия была предпринята uppsальскими специалистами в рамках базы данных по исходам конфликтов – UCDP Conflict Termination Dataset (рис. 4). В XXI веке впервые стали преобладать неявные исходы конфликтов. В 2001–2020 годах в 57% случаев исходы конфликтов сводились к падению интенсивности насилия до очень низкого уровня по типу «ни мира, ни войны» в отсутствие какого-либо явного военного или переговорного/договорного решения. На этом фоне среди остальных, более или менее выраженных исходов, перемирия (14%) впервые обошли по частоте все другие виды – мирные соглашения (11%), военные победы правительственных (8%) или повстанческих сил (4%) [подсчитано автором по UCDP Conflict Termination Dataset: Version 3–2021].

Итак, в первые два десятилетия XXI века перемирия стали наиболее распространённым видом завершения конфликта, если он вообще имел какой-то выраженный исход. И это несмотря на то, что соглашений (с разделами) о перемириях в 2001–2022 годах фиксировалось в 2,2 раза меньше, чем мирных соглашений [подсчитано автором по PA-X: Version 7].

Вместе с тем это ещё не даёт оснований утверждать, что перемирия как минимум не

менее эффективны как исход и средство регулирования конфликта, чем мирные соглашения. *Во-первых*, в отсутствие адекватного мониторинга большинства перемирий независимая количественная оценка масштаба их нарушений и степени их эффективности как средства прекращения огня часто весьма затруднена, особенно в условиях продолжающегося насилия. *Во-вторых*, на фоне частых, хронических нарушений и затяжных серий постоянно прерывающихся и возобновляющихся перемирий во многих конфликтах исследователи всё чаще ставят под вопрос ту традиционную систему координат, в рамках которой перемирия и их эффективность анализировались лишь на предмет их соответствия единственной функции – прекращению огня [Clayton, Nathan, Wiehler 2021: 356, 359–360].

К сожалению, первые попытки выйти за эти рамки и классифицировать перемирия по характеру их целей и задач методологически неудовлетворительны. К примеру, одна из двух новых типологий перемирий, предложенных специалистами ETH/PRIO CF в 2022 году, предлагает подразделить перемирия на либо относящиеся к мирному процессу, либо связанные с гуманитарной повесткой, либо (приуроченные) к праздникам, выборам и иным знаковым событиям [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1441–1442]. Проблема здесь

даже не столько в том, что все эти категории не являются взаимоисключающими (приуроченное к назначенным на праздничный день выборам перемирие может быть полноценной частью мирного процесса и одновременно содержать гуманитарные разделы). Представляется, что в данном случае проявляется ещё бóльшая предвзятость в пользу «мирных процессов», чем у специалистов ПА-Х, и явное нежелание называть вещи своими именами: если перемирия не подчинены напрямую задачам мирного урегулирования, то считается (политически, идеологически, этически) приемлемым учитывать лишь их гуманитарные или электорально-праздничные аспекты. При этом налицо нежелание признавать тот факт, что перемирия могут решать и чисто *военные задачи* и что даже гуманитарные положения перемирий могут использоваться как в военных целях, так и в поддержку мирного процесса.

В целом, хотя количественные методы незаменимы в оценке непосредственной задачи перемирий по прекращению вооружённого насилия, они малопригодны для анализа контекстных условий, глубинной мотивации, которая движет сторонами конфликта, и всего комплекса стратегических и тактических, явных и неявных, декларируемых и реальных целей, которые они ставят, когда идут на перемирие. Выявление этих мотиваций, целей и условий требует качественного анализа перемирий и их участников, и именно оно определяет, является ли перемирие частью мирного процесса или нет.

Перемирия: между войной и чем?

Классификация и типологии перемирий традиционно носили чисто технический характер: перемирия подразделялись на формальные (официальные) или неформальные, на односторонние, двусторонние или многосторонние, на полные или частичные. Недалеко ушла и вторая из двух новых типологий перемирий, предложенных специалистами ETH/PRIO CF. Эта утилитарно-техническая типология, явно составленная в помощь (международным) струк-

турам, практикующим наблюдательные миссии в конфликтных зонах, предлагает классифицировать перемирия лишь по признаку наличия в них механизмов мониторинга/верификации их соблюдения и мер по разоружению/демобилизации сторон — при том что эти механизмы в подавляющем большинстве случаев (почти в 76% перемирий, фиксируемых ETH/PRIO) полностью отсутствуют [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441].

Две более содержательные традиционные типологии, которые, ввиду их взаимосвязи, лучше рассматривать вместе, классифицируют перемирия (а) по пространственно-географическому охвату (локации) и уровню, от локального до межгосударственного, и (б) по типу самого вооружённого конфликта, в соответствии с сутью и характером основного оспариваемого противоречия между его сторонами.

По своему охвату и уровню перемирия могут быть международными (в конфликтах между государствами, например между Эквадором и Перу или Эфиопией и Эритреей); общенациональными, то есть действовать по всей стране (всеобщие перемирия в ходе гражданских войн в Гватемале или Либерии); заключёнными с отдельными вооружёнными акторами без привязки к конкретному району (в масштабах всей страны, например в Мьянме) или в чётко определённом районе (Дарфур/Судан); локальными (то есть охватывающими небольшую территорию и население — от отдельных кварталов, пригородов и даже пропускных пунктов до городов (в Боснии-Герцеговине, Сирии, Ливане) и районов (в Ливии, на острове Минданао на Филиппинах, в Судане).

Понятно, что географический охват, а отчасти и продолжительность перемирия связаны с типом самого конфликта и характером оспариваемого противоречия. Например, конфликты чисто сепаратистского толка ведутся на относительно ограниченной территории, а их участники (вооружённые сепаратисты и центральное правительство) могут с большей готовностью пойти на более длительное прекраще-

ние огня и замораживание конфликта даже в отсутствие урегулирования ключевого противоречия между ними. Например, более чем в трети сепаратистских конфликтов за период с 1989 г. перемирия носили долгосрочный характер [Вага, Clayton, Rustad 2021: 333]. В то же время в полномасштабных гражданских войнах, которые охватывают значительную или большую часть страны и в которых оспариваются вопросы о власти на общенациональном уровне, долгосрочные перемирия наблюдаются редко.

Вместе с тем перемирие – это не просто механическая производная от характера самого конфликта. Функции, устойчивость и степень эффективности перемирия отнюдь не предопределены масштабом конфликта и его ключевыми противоречиями. Такой подход не учитывает *контекстную специфику* вооружённых акторов в конфликте, их *стратегическое целеполагание* и тактические задачи на определённом этапе противостояния и в значительной мере игнорирует *динамику конфликта*. Если учесть всё это, то в рамках содержательной типологии перемирий на первый план должны выйти именно (а) глубинное целеполагание сторон и (б) то, к какой стадии конфликта относятся и как мыслятся перемирия их участниками – как этап между войной и чем? (между войной и миром? войной и войной? войной и неким промежуточным состоянием по типу «ни мира, ни войны»?).

Нельзя сказать, что стратегическое целеполагание сторон конфликта совсем не учитывалось в литературе по мирным процессам и перемириям. Тем не менее если ему и уделяется какое-то внимание, то в рамках жёстко рационалистского подхода, согласно которому вооружённый актер *должен сделать и всегда делает* наиболее рациональный выбор между разными стратегическими опциями. Такой «рациональный игрок» адаптирует к ситуации свои стратегические цели в конфликте – будь то достижение военного превосходства (победы), усиление своего переговорного ресурса (позиции) или движение к мирному уре-

гулированию – тщательно взвешивая предполагаемые затраты, выгоду и их соотношение в тот или иной момент времени. Соответственно, рациональный игрок может использовать перемирия ради достижения любой из этих целей, менять основную функцию перемирия по мере смены одной цели на другую и даже, пытаясь лучше прояснить соотношение затрат и выгоды, использовать перемирия одновременно (параллельно) как в военных целях, так и в целях продвижения мирного процесса [Sticher, Vuković 2021: 1284, 1286–1287].

Такой жёстко рационалистский подход всё менее соответствует условиям и типам исходов современных конфликтов. Представление о том, что рациональный игрок всегда делает самостоятельный выбор в плане целеполагания между военным решением конфликта или его мирным урегулированием, в зависимости от соотношения «затраты–выгода» для себя, идёт вразрез с тем, что и те, и другие решения (и военные, и достигнутые в результате мирных переговоров) в принципе встречаются всё реже и даже в совокупности уже составляют меньшую часть всех исходов конфликтов в XXI веке.

Для того чтобы быть разрешённым одним из этих двух способов – военной силой или путём мирных переговоров – или даже посредством их сочетания/последовательности, сам конфликт как минимум должен быть достаточно чётко структурирован, привязан к определённой территории, иметь определённое (лучше ограниченное) число организованных в военно-политическом отношении сторон с ограниченным набором относительно чётких и реалистичных целей. В силу сложности, высокой степени фрагментации и одновременной транс(интер)национализации и глокализации (взаимосвязанных процессов глобализации и локализации) многих современных конфликтов даже те редкие из них, которые имеют явный межгосударственный аспект, всё менее отвечают этим условиям.

В тех редких случаях, когда характер и структура конфликта в принципе позволя-

ют однозначно решить его военным путём, он, как правило, в итоге *таким путём и решается* (например, сепаратистский конфликт в Шри-Ланке). В остальных же случаях речь часто идёт не столько об осознанном выборе сторон в пользу переговорного решения, сколько именно о принципиальной невозможности урегулировать конфликт военным путём. Это, впрочем, не означает и расширения перспектив мирного урегулирования: такие исходы конфликтов в XXI веке пока также в меньшинстве на фоне преобладания неявных исходов по типу «ни мира, ни войны» или в виде замороженного противостояния. В целом ортодоксальная теория рационального выбора слабо учитывает эмпирические данные о внешних условиях и характере современных конфликтов, не говоря уже о том, что она лишена культурного релятивизма⁹.

Между войной и войной:

перемирия как часть военных действий

То, что очевидно военным специалистам, почему-то упорно игнорируется большинством гражданских политологов, конфликтологов и специалистов по вопросам безопасности: наиболее естественная, можно сказать, *стандартная* функция перемирий – это их роль как части конфликтной динамики, продиктованная соображениями *военной необходимости*.

Иными словами, перемирия являются неотъемлемой частью самой войны, а не только подготовки выхода из неё путём мирных переговоров. Перемирия как часть конфликтной динамики могут использоваться сторонами для того, чтобы выиграть время, перегруппироваться, до/первооружиться и улучшить свои военные позиции. Зачастую стороны конфликта – участники перемирия – не ограничиваются лишь его соблюдением или периодическим нарушением, а находят способы использовать

перемирие для продвижения своих военно-политических целей и изменения самого характера военных действий (в Мьянме, Сирии, Кашмире/Индии и др.). Хотя некоторые поборники мирного урегулирования любой ценой признают, что перемирия могут иметь и такие «немирные» цели и последствия, они оценивают их как негативные, по сравнению с ролью перемирия как «базового шага, который должен способствовать реальным мирным переговорам» [Karakuş, Svensson 2020].

Как уже указывалось, причины, толкающие одну или несколько сторон конфликта к заключению перемирия, могут иметь военно-тактический характер: это, прежде всего, попытки выиграть время для консолидации, перегруппировки, маневрирования, перевооружения и снабжения сил, особенно в условиях, когда та или иная сторона находится под сильным военным, политическим или иным давлением [Mac Ginty 2006: 151; Haysom, Hottinger 2010; Sticher, Vuković 2021: 1284].

Не менее важной функцией перемирий как военной необходимости является фиксирование с их помощью *баланса сил на определённом этапе конфликта*. В таком случае перемирия выступают как средство закрепить достижения на поле боя, а условия перемирия – как шанс впервые как-то формализовать право на оспариваемую территорию (ресурсы, население). При этом часть таких соглашений *реально* могут быть взаимно выгодны обеим или всем сторонам перемирия, даже если они совершенно не настроены на последующее мирное разрешение конфликта. Примерами могут служить перемирия, включающие пункты об обмене участками территории и/или населением (поддерживающим ту или иную сторону или представляющим «свою» этническую или религиозную группу в этнополитических или (этно)конфессиональных конфликтах). Хотя обмен

⁹ В рамках этой теории отрицается сама возможность альтернативных концепций рациональности – например, религиозной. В частности, для вооружённых исламистов категория «перемирия» (араб. «худна») – это в принципе лишь временная пауза, необходимая для восстановления и консолидации сил для продолжения вооружённого противостояния.

«своим» и «чужим» населением в рамках перемирия может выглядеть как чисто гуманитарная акция, на деле он нередко в первую очередь нацелен на то, чтобы зафиксировать результаты военных действий и текущий баланс сил. В рамках сложных, фрагментированных конфликтов, особенно гражданских войн с участием многих внутренних и внешних акторов, перемирия вообще могут служить и рассматриваться прежде всего как инструмент для установления и/или консолидации контроля за теми или иными районами и ресурсами со стороны конкурирующих между собой вооружённых игроков [на примере сирийского конфликта см.: Sosnowski 2020: 1396, 1398].

Показательно, что большая часть стандартных положений и условий перемирий (включая их гуманитарные пункты и меры по укреплению доверия) может быть подчинена ходу военных действий и диктоваться логикой конфликта в такой же степени, как и в тех случаях, когда перемирия подчинены поиску мирного решения. Среди таких положений: временное прекращение или приостановление огня; установление или задействование каналов связи между противоборствующими сторонами, включая «горячие линии» на уровне командующих военной группировкой (контингентом); разделение или (частичный) отвод войск, в том числе за пределы досягаемости артиллерии того или иного калибра; запрет размещения тяжёлых вооружений в населённых пунктах и на объектах гражданского назначения; ограниченный обмен информацией о системах вооружения, техники и оборудования, логистике, комбатантах, военнопленных и гражданском населении в подконтрольных зонах; предварительное информирование друг друга о передвижении войск и техники. К положениям «двойного назначения»

относится и обеспечение гуманитарного доступа, включая гарантии безопасности и передвижения для гражданского населения, военного персонала, гуманитарных работников и международных наблюдателей; предоставление конвоев и транспорта для беженцев и внутренне перемещённых лиц и гуманитарных организаций; снятие или установление блок-постов для регулирования передвижения людей и перевозки (и налогообложения) товаров; эвакуацию раненых и гражданских лиц; обмен телами убитых и обмен или освобождение пленных, в том числе при содействии Международного комитета Красного Креста. Сюда же можно отнести и передачу под контроль той или иной стороны объектов критической инфраструктуры, включая порты, аэропорты, дороги, правительственные здания. Все перечисленные меры, предусмотренные в рамках соглашений или деклараций о перемирии, могут в конечном счёте служить как достижению военного решения конфликта, так и задачам его мирного урегулирования, в зависимости от условий конкретного конфликта и среднесрочного целеполагания его сторон — участников перемирия.

То же самое распространяется и на уровень частичных и локальных перемирий. Например, динамика широко распространённых локальных перемирий в Сирии (в сирийской интерпретации — так называемых соглашений о примирении)¹⁰ отражала в первую очередь меняющийся баланс сил между вооружёнными игроками, а не предтечу, поддержку или проявление мирного процесса. Таких перемирий в ходе сирийского конфликта ещё до начала в 2017 г. Астанинского процесса с участием России насчитывалось более 100, и то если считать лишь взаимные договорённости¹¹. Локальные перемирия в Сирии с участием правительственных сил, их союзников и

¹⁰ Араб. «итифакаат аль-мусаалаха».

¹¹ По подсчётам Д. Каракуша (Турция), за период с марта 2011 г. по октябрь 2021 г. в ходе сирийского конфликта было заключено 141 локальное взаимное перемирие, включая как соглашения на бумаге, так и устные договорённости (согласно расширенной версии [Karakuş 2023] первоначальной базы данных [Karakuş, Svensson 2020]).

лоялистских формирований, с одной стороны, и группировок вооружённой оппозиции – с другой, варьировались от договорных форматов, в результате которых оппозиционные формирования сохраняли какую-то роль в сфере безопасности и управления на локальном уровне в своих районах, до аналога и оформления их фактической капитуляции. Она нередко включала релокацию (выдворение или эвакуацию) боевиков, а порой и поддерживавшей их части населения в другие районы. По мере развития и затягивания конфликта правительственная сторона испытывала всё более острый недостаток в живой силе и теряла возможности отвоевать подконтрольные оппозиции территории силовым путём. В этих условиях сирийский режим перешёл к тактике частичных локальных сделок с отдельными группировками оппозиции, в первую очередь в районах, непосредственно прилегавших к территории, контролируемой правительственными силами и их союзниками, где концентрация формирований вооружённой оппозиции была особенно высока. Эти соглашения изначально рассматривались не столько как шаг к последующему разделу власти путём мирных переговоров с оппозицией, сколько как элемент и продолжение военной стратегии в условиях затяжного, ожесточённого и сильно фрагментированного конфликта, когда расширение зоны контроля военным путём если и возможно, то медленно и постепенно, шаг за шагом, а удержание захваченной/освобождённой территории одной лишь военной силой затруднено.

Несмотря на своё название, «соглашения о примирении» имели мало отношения к примирению сторон как таковому, а неред-

ко содержащиеся в них обязательства сохранить или обеспечить децентрализацию системы управления на местах или специальные привилегии для местных лидеров, элит и старейшин со временем дезавуировались. Такие локальные соглашения скорее носили характер либо временного прекращения огня «по расчёту», либо завуалированной сдачи позиций силам центрального правительства. Как с сожалением отмечали западные специалисты, если такие локальные соглашения не интегрировать в комплексный процесс мирного урегулирования, то «они останутся лишь тактикой войны с целью нейтрализации сопротивления в одном районе для того, чтобы облегчить ведение военных действий в других местах». Ряд наблюдателей отдавали себе отчёт в том, что так оно и будет, учитывая, что «постепенно и большой ценой добившись перевеса в военных действиях, правительство Б. Асада не готово идти на какие-либо серьёзные уступки ради мирного урегулирования и политического транзита» [Hinnebusch, Imady 2017: 1, 3, 5].

На этапе стартовавшего в 2017 г. Астанинского процесса предполагалось – и впервые в ходе сирийского конфликта было обеспечено – относительно длительное перемирие на уровне международных гарантов (России, Турции и Ирана)¹², в первую очередь в рамках так называемых зон деэскалации¹³. При этом как в ходе этого процесса, так и параллельно ему продолжилось активное заключение «соглашений о примирении» на местном уровне. Хотя условно такие локальные перемирия можно подразделить на «жёсткие» и «мягкие», и те и другие представляли собой, скорее, вынужденные договорённости о сдаче антиправительственными группи-

¹² Астанинский процесс – переговорный процесс по Сирии (с января 2017 г. по настоящее время), коспонсорами которого и посредниками между правительством и более умеренной, в том числе исламистской, частью вооружённой оппозиции выступили Россия, Турция и Иран.

¹³ В рамках Астанинского процесса 4 мая 2017 г. был подписан меморандум о создании временных «зон деэскалации» (Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. 06.05.2017 // МИД РФ [официальный сайт]. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2746041 (дата обращения 10.01.2023); Memorandum on the Creation of De-escalation Areas in the Syrian Arab Republic. 04/05/2017 [PA-X 2023]). В сентябре 2017 г. число зон деэскалации возросло до четырёх (Joint Statement by Iran, Russia and Turkey

ровками тех или иных позиций, чем соглашения, достигнутые путём переговоров. Для сирийских властей они оставались преимущественно средством постепенного расширения контроля над территорией и населением. С одной стороны, зоны деэскалации фиксировали определённую степень децентрализации (как правило, временную)¹⁴ и способствовали признанию некоторых местных центров власти. С другой стороны, динамика перемирий, связанных с зонами деэскалации, на практике оказалась лишь прелюдией к восстановлению правительством Асада и его союзниками контроля над большей частью территории страны и в целом, по оценке ряда специалистов, «использовалась для успешного продвижения военных целей наиболее сильных игроков» [Sosnowski 2020: 1403, 1406].

Помимо перемирий между правительственными и оппозиционными силами, значительная часть перемирий, особенно в ходе сложных, сильно фрагментированных и многоуровневых конфликтов с большим числом участников, заключается не между основными противниками (антагонистами), а между различными, часто конкури-

рующими группировками вооружённой оппозиции с целью создания коалиций в борьбе с правительственными силами или между лоялистскими формированиями в целях координации контрповстанческой борьбы. В Сирии такие перемирия между негосударственными игроками, преследующие военные (военно-политические) цели, были особенно широко распространены. Чаще всего встречались многочисленные перемирия между оппозиционными группировками, воюющими на одной стороне более широкого конфликта. Они включали в себя:

– перемирия между группировками одной и той же или близкой политико-идеологической, религиозно-политической или этнополитической ориентации (например, перемирия в Идлибе между радикально-исламистской «Ахрар аш-Шам», с одной стороны, и крупной зонтичной джихадистской группировкой «Хайят Тахрир аш-Шам»¹⁵, или её ядром и предшественницей «Джабхат фата аш-Шам»¹⁶ (ранее известной как «Джабхат ан-нусра»)¹⁷, или более мелкими группировками типа «Джунд аль-Акса»¹⁸, с другой стороны; перемирия между ИГИЛ¹⁹ и рядом сирийских

on the International Meeting on Syria in Astana 14–15 September 2017 // Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union [web-site]. URL: <https://russiaeu.ru/en/news/joint-statement-iran-russia-and-turkey-international-meeting-syria-astana-14-15-september-2017>, дата обращения 20.02.2023) – в части провинции Хомс, в Восточной Гуте (пригороде Дамаска), в северо-западной провинции Идлиб на границе с Турцией и в приграничных районах на юго-западе Сирии (создание этой зоны потребовало отдельного соглашения от 9 июля 2017 г. в рамках переговорного формата, включавшего Россию, Иорданию, Израиль и США).

¹⁴ Везде, кроме деэскалационной зоны «Идлиб».

¹⁵ От 19 и 23 июля 2017 г. Все локальные соглашения даны по базе данных PA-Local: Second Ceasefire between Ahrar al-Sham (AAS) and Hayat Tahrir al-Sham (HTS). 23/07/2017; Agreement between Hayat Tahrir al-Sham (HTS) and Ahrar al-Sham (AAS), Badiya, Idlib. 19/07/2017 [PA-Local 2023]. «Хайят Тахрир аш-Шам» – организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № АКПИ20-275С, вступило в силу 20.07.2020.

¹⁶ От 10 октября 2016 г. По PA-X: Agreement between Ahrar al-Sham (AAS) and Jabhat Fatah al-Sham (JFS) signed by al-Jawlani and al-Hamawi, 10/10/2016 [PA-Local 2023].

¹⁷ «Джабхат ан-Нусра» – организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

¹⁸ От 22 января 2017 г., 8 октября 2016 г. Agreement between Ahrar al-Sham (AAS) and Jund al-Aqsa, al-Fua'a, Idlib 22/01/2017; Cessation of Hostilities between Jund al-Aqsa and Ahrar al-Sham (AAS) in Kansafra, 08/10/2016 [PA-Local 2023].

¹⁹ «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИ/ИГИЛ) – организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С, вступившим в силу 13.02.2015.

джихадистских группировок, ориентировавшихся на «Аль-Каиду»²⁰, при посредничестве саудовского религиозного лидера Абдаллы аль-Мухайсини, или между различными курдскими фракциями на севере Сирии, в том числе при посредничестве лидера иракских курдов Месуда Барзани) [Karakuş, Svensson 2020];

– перемирия между группировками с различающимися, иногда кардинально, политико(религиозно)-идеологическими установками и целями, объединившими усилия в борьбе с правительственными силами. Среди примеров – локальные перемирия по действиям в районе г. Африн²¹ между разнородной повстанческой коалицией «Фатх аль-Халеб»²² и курдскими отрядами народной самообороны (YPG)²³ или между джихадистской «Джейш аль-мухаджирин валь ансар», состоявшей в основном из иностранных боевиков, и рядом других группировок, включая фракцию Свободной сирийской армии «Шухада Бадр», при посредничестве шейха Абу Амира из «Ахрар аш-Шам»²⁴.

Иными словами, немалая часть перемирий, особенно на локальном уровне, заключалась не ради мира, а, напротив, ради активизации вооружённой борьбы и повышения её эффективности за счёт фактического формирования временных тактических, а порой и более длительных стратегических альянсов для объединения и координации военных усилий против одного и того же врага. Эти усилия могли ограничиваться совместным контролем над стратегическими дорогами, населёнными пунктами, торгово-контрабандными потоками

(например, торговлей нефтью), а могли включать в себя и совместные военные операции против основного противника.

Наряду с перемириями между основными сторонами конфликта или между вооружёнными негосударственными акторами, воюющими по одну сторону более широкой гражданской войны, соглашения о прекращении огня могут заключаться и с вооружёнными формированиями, которые не являются прямыми участниками конфликта с центральной властью, но представляют отдельную военно-политическую силу со своей повесткой и целями. Более того, судя по сирийскому опыту, именно такие перемирия носили наиболее устойчивый и долгосрочный характер. Речь идёт, например, о внутрисирийских перемириях с участием вооружённых формирований местных курдов, которые не относятся к антагонистам в гражданской войне в Сирии. Одни из самых устойчивых соглашений о перемирии в ходе сирийского конфликта были заключены (а) между курдской Партией демократического единства (PYD)²⁵ и оппозиционной Свободной сирийской армией (первое перемирие от 5 ноября 2012 года)²⁶; (б) между различными вооружёнными формированиями самих сирийских курдов, (в) между правительством Сирии и PYD (первое перемирие от 23 августа 2016 года). Несмотря на то что ни одно из этих перемирий не было частью процесса политического урегулирования, их бóльшая устойчивость объясняется именно отсутствием у курдских военно-политических сил антагонистических противоречий между собой,

²⁰ «Аль-Каида» («База») – организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

²¹ От 15 декабря 2015 г. Agreement between Fatah al-Halab and the People's Protection Units on the Sheikh Maqsoud area and roads to Afrin, 15/12/2015 [PA-Local 2023].

²² Коалиция действовала в районе Алеппо в составе до 50 отрядов, от радикальных исламистов до относительно светских прозападных сил.

²³ Курд. "Yekîneyên Parastina Gel" (YPG).

²⁴ От 16 февраля 2014 г. Hurritan and Malah Ceasefire [PA-Local 2023].

²⁵ Курд. "Partiya Yekîtiya Demokrat" (PYD).

²⁶ Впоследствии совместно с PYD воевали до 15 фракций Свободной сирийской армии (ССА), хотя многие другие фракции ССА, прежде всего протурецкие, активно воевали против сирийских курдов.

с центральной властью Сирии (несмотря на массу претензий к ней, сирийские курды в основном не сепаратисты) и с частью вооружённой оппозиции неджихадистского толка²⁷.

Среди целей перемирия, не обязательно имеющих отношение к мирному процессу, следует отметить и стремление участника перемирия продемонстрировать свой военно-политический вес или потенциал другим сторонам конфликта, конкурентам и/или внешним игрокам. Демонстрация способности соблюдать перемирие может быть продиктована разными соображениями, включая далеко не миролюбивые. В частности, если сторона намерена продолжать военные действия до победного конца, то её способность выполнять условия перемирия может служить и недвусмысленным сигналом об эффективности системы командования и контроля, способности руководства (командования) обеспечить реализацию принятых решений и степени внутреннего единства такой группировки или стороны. Например, на фоне различных спекуляций в военно-политических и экспертных кругах о степени раздробленности исламистского движения Талибан²⁸ в его бытность основной силой афганской вооружённой оппозиции, ничто так очевидно не продемонстрировало высокий уровень контроля со стороны его центрального руководства за движением в целом, как одностороннее трехдневное перемирие, объявленное лидерами талибов в июне 2018 г. и жёстко соблюдавшееся как их полевыми командирами, так и рядовыми членами.

Между войной и миром:

перемирия как часть мирного процесса

В отношении перемирий как предтечи и части процесса мирного урегулирования конфликта необходима важная авторская оговорка, сужающая любое из указанных выше широких определений перемирия. В таких случаях, помимо одностороннего объявления перемирия прямым участником конфликта с прицелом на его дальнейшее мирное урегулирование, под определение перемирия подпадают только те переговорные форматы и соглашения, которые реально стали результатом *взаимных договорённостей* между сторонами. Если же перемирие лишь формально выглядит как основанное на взаимных или многосторонних «договорённостях», а на деле попросту фиксирует военное поражение одной из сторон или целиком навязано силой или путём давления внешними силами, то такое перемирие, как бы оно ни называлось и ни привязывалось к политическому переговорному процессу, к данной категории не относится и должно рассматриваться как перемирие первого (см. предыдущий раздел) или третьего (см. следующий раздел) типа.

Перемирия сами по себе *не содержат* договорённостей о решении базовых, ключевых противоречий, на урегулирование которых нацелен мирный процесс (например, вопросов о статусе и границах той или иной территории, характере государственного строя, разделе власти и/или ресурсов, политическом представительстве и проблемах защиты идентичности значительного сегмента населения). В то же время

²⁷ Формирования сирийских курдов изредка были участниками соглашений о прекращении огня и со своими принципиальными антагонистами (например, больше похожее на частичную капитуляцию перемирие с турецкими интервентами при участии и посредничестве США от 17 октября 2019 г., которое турецкая сторона даже отказалась называть «перемирием», или локальное соглашение между YPG и ИГИЛ от 27 ноября 2017 г. на месяц (сам факт которого отрицается рядом курдских лидеров)). Однако эти перемирия были краткими и составляли, скорее, исключение, чем правило. Turkey agrees to suspend Syria offensive while Kurds withdraw // France 24. 17.10.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20191017-turkey-to-suspend-syria-offensive-after-talks-with-us> (accessed: 26.02.2023); Agreement between Syrian Defence Forces (SDF) and the Islamic State (IS), 27/11/2017 [PA-Local 2023].

²⁸ Движение Талибан — организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

положения о перемирии, особенно уже на этапе мирного процесса, часто представляют собой не отдельные соглашения, а входят разделом или приложением в более широкие мирные соглашения. В целом значение перемирий для мирных процессов, особенно успешных, и взаимосвязь одних с другими трудно переоценить, хотя эти вопросы и недостаточно изучены.

Для начала, само вступление в войну и начало военных действий порой могут быть продиктованы не столько задачей выиграть войну и одержать решающую военную победу, сколько надеждой наконец добиться за столом переговоров того, достичь чего без обращения к военной силе было невозможно [Slantchev 2003: 622]. Проще говоря, в некоторых случаях войну начинают уже с прицелом на связку «перемирие – мирные переговоры».

В практическом смысле перемирия часто продиктованы элементарной необходимостью и требованиями безопасности для воюющих сторон, решившихся пойти на переговоры лицом к лицу. Перемирия также служат для них военно-политической страховкой от того, чтобы какая-либо сторона не попыталась использовать прекращение внимания на переговорный процесс и связанную с ним передышку для достижения военного превосходства на поле боя. Более того, перемирие часто выдвигается участниками конфликта в качестве предварительного условия для начала мирных переговоров, хотя на практике оно совершенно не обязательно для этого. Вместе с тем и в тех случаях, когда перемирие не является обязательным условием для переговоров, оно может помочь разрядить и стабилизировать ситуацию и облегчить их начало и проведение.

Ещё одной функцией «перемирия ради мира» является то, что оно даёт возможность стороне конфликта продемонстри-

ровать свою добрую волю и может способствовать установлению хотя бы минимального уровня доверия между сторонами. А более явного сигнала о приверженности мирному урегулированию, чем *одностороннее* перемирие, которое продолжает соблюдаться объявившей его стороной, даже если противоборствующая сторона отказывается его поддержать, трудно себе представить.

Перемирие может диктоваться и стремлением заручиться политической поддержкой той или иной группы или заинтересованной третьей стороны в процессе мирного урегулирования. Кроме того, перемирия могут обеспечить более широкую поддержку со стороны населения. В своей массе население, особенно в самой конфликтной зоне, вынуждено ежедневно соотносить переговоры о мире, если таковые ведутся, с окружающими реалиями «на земле». Если переговоры о мире, особенно в рамках затяжного мирного процесса, не подкреплены не просто формальным, а реально действующим перемирием, то они не способны продемонстрировать людям хотя бы какие-то изменения к лучшему и быстро теряют популярность, доверие и поддержку со стороны общества [Sticher, Vuković 2021: 1289]. Примером служит череда перемирий на Донбассе после заключения в феврале 2015 г. второго Минского соглашения (Минск-2)²⁹. На раннем этапе (условно до 2017–2018 годов) их ещё каким-то образом можно было отнести к категории «перемирий ради мира». Тогда перспективы развития мирного процесса ещё существовали, уровень насилия в зоне конфликта, по сравнению с военными кампаниями 2014–2015 годов, зримо сократился, а местное население ещё не потеряло надежду на стабилизацию. Тем не менее рост нарушений перемирия (до нескольких

²⁹ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. 12 февраля 2015 г. См.: Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. 12.02.2015. URL: <https://ria.ru/20150212/1047311428.html> (дата обращения 10.01.2023); Package of Measures for the Implementation of the Minsk Agreements (Minsk II), 12/02/2015 [PA-X 2023]. В 2015 г. было объявлено два перемирия, в 2016–2018 годах – уже по три в год.

сотен тысяч (!) инцидентов в год в 2016–2017 годах)³⁰ и постепенная рутинизация насилия сильнее всего дискредитировали мирный процесс в глазах местного населения, прежде всего в ДНР и ЛНР (Matveeva 2022: 93–94, 99) и, на фоне блокады со стороны Киева и несоблюдения политических и экономических условий Минских соглашений, подчёркивали и усиливали его тупиковый характер. То же самое касается и гуманитарной ситуации. Хотя гуманитарный кризис на Донбассе в целом не носил такого острого, чрезвычайного характера, как в ходе первых двух военных кампаний, по отдельным гуманитарным аспектам, например по продовольственной безопасности населения (в первую очередь в ДНР и ЛНР в условиях их финансово-экономической и гуманитарной блокады со стороны Киева), даже наблюдалось ухудшение, в частности, в 2016–2017 годах³¹.

Между тем важными задачами и результатами успешных «перемирий ради мира» как раз являются улучшение гуманитарной ситуации для гражданского населения и построение доверия между сторонами путём серии дезэскалационных мер, что, в свою очередь, создаёт и расширяет пространство для политических переговоров. Также если речь идёт о реальной заинтересованности той или иной стороны конфликта в мирном урегулировании, то её способность обеспечить соблюдение перемирия – это ещё и действенный способ добиться международного признания, или легитимности, или укрепить её.

Ещё одна базовая связка перемирий с мирными процессами состоит в том, что они регулируют военное поведение сторон конфликта в ходе мирных переговоров. А, например, локальные перемирия не

только способствуют расширению районов, свободных от военных действий, но и в долгосрочном плане формируют низовую, общественно-гражданскую составляющую мирного процесса.

Наряду с позитивными эффектами взаимосвязи перемирий с мирными процессами есть и негативные. Главный из них связан с *фактором вооружённого насилия и возможностью его возобновления*, которая никогда не исключена, а в большинстве случаев – весьма вероятна или практически гарантирована.

Перемирие – это одна из тех стадий, на которых мирный процесс чаще всего прерывается и даже может развалиться из-за возобновляющегося насилия, особенно если оно носит регулярный и масштабный характер. Насилие в нарушение действующего перемирия – это один из основных видов вооружённого насилия, характерного для мирных процессов. Для вооружённых игроков, сознательно нарушающих перемирия на этапе мирного процесса, в литературе и аналитике применяется термин «*спойлеры*» [Stedman 1997; Stepanova 2006]. Хотя не все нарушения перемирий носят форму вооружённого насилия, две основные категории, которые связаны с насилием, это (а) военные действия и (б) нарушения, связанные с обеспечением защиты мирного населения и в целом некомбатантов.

Нарушения перемирия, которое было заключено в поддержку переговоров о мире, не просто ведут к военным потерям, а могут отдалить или существенно снизить шансы на мирное урегулирование конфликта³². В этой связи, в отличие от перемирий других типов, преследующих иные цели, для «перемирий ради мира» особенно

³⁰ ОБСЕ зафиксировала более 400 тыс. нарушений перемирия в Донбассе в 2017 году // ТАСС. 12.01.2018. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4870226> (дата обращения: 20.02.2023).

³¹ По оценкам Управления по координации гуманитарных вопросов ООН, в 2016–2017 годах на Донбассе удвоилось число людей, продовольственная безопасность которых находилась под угрозой. Ukraine Humanitarian Response Plan 2018. Ukraine Humanitarian Country Team, UN Office for Coordination of Humanitarian Assistance Report, December 2017. P. 14.

³² Ceasefires and the Dynamics of Violence in War Zones. Project Overview. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://www.pcr.uu.se/research/research-themes/conflict-dynamics/ceasefires-and-the-dynamics-of-violence-in-war-zones> (accessed: 18.02.2023).

важны те задачи, которые более всего способствуют снижению риска возобновления полномасштабного вооружённого насилия. Среди этих задач – повышение цены наступательных действий для любой из (или всех) сторон, снижение уровня неопределённости и предотвращение вооружённых инцидентов, которые намеренно или непреднамеренно могут привести к эскалации насилия.

Большая часть конкретных условий, или положений, соглашений о перемирии (включая все положения, перечисленные в предыдущем разделе, в том числе гуманитарные) в равной степени применимы и к перемириям «ради войны», и к перемириям «ради мира». Тем не менее некоторые положения наиболее характерны или специфичны именно для тех перемирий, которые заключаются с прицелом на последующую активизацию политических переговоров или в поддержку уже идущего мирного процесса. Главные среди них – положения о полных или частичных *демобилизации, разоружении и реинтеграции* вооружённых формирований (сил) конфликтующих сторон. Эти положения могут предусматривать слияние сил противоборствующих сторон (в Анголе, Центрально-Африканской Республике и Южном Судане); кантонизацию вооружённых сил государства и негосударственных комбатантов (например, в Бурунди и Мали); сбор и сдачу оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; помещение тяжёлого вооружения сторон под контроль или мониторинг третьей стороны (в Боснии-Герцеговине); отвод тяжёлых вооружений на расстояние за пределами дальности стрельбы, на 25 км и далее (в конфликте между Эритреей и Эфиопией); создание демилитаризованных зон, гуманитарных коридоров и зон безопасности (в Боснии-Герцеговине, Бурунди, Демократической Республике Конго, Гвинее-Бисау); демилитаризацию политических партий, движений и ассоциаций (в Бурунди, Республике Конго); передислокацию

или возвращение в те или иные районы сил безопасности (Южная Осетия/Грузия); реинтеграцию бывших участников военных действий в мирную жизнь (Республика Конго)³³. В целом перемирия, содержащие положения о демобилизации и являющиеся частью более широкого мирного процесса, нацеленного на разрешение базовых противоречий между сторонами, ведут к более длительным периодам прекращения огня, чем перемирия, не отвечающие этим условиям [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1445].

В теории в соглашениях о «перемирии ради мира» должна быть выше и вероятность наличия положений о наблюдении за выполнением их условий (мониторинге) и проверке (верификации) их соблюдения. Мониторинг должен способствовать предотвращению или хотя бы снижению интенсивности актов насилия. Вместе с тем пока однозначного эмпирического подтверждения этому нет. С одной стороны, есть данные о том, что перемирия, предусматривающие процедуры мониторинга, более устойчивы, чем остальные, как в гражданских войнах, так и в конфликтах между государствами [Bara, Clayton, Rustad: 334–335; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1445]. С другой стороны, эти выводы сделаны либо на примере отдельных кейсов, репрезентативность которых вызывает вопросы, либо путём количественного анализа статистики, собранной в основном автоматизированным путём, то есть без учёта контекстных условий.

Например, данные ни по Сирии, ни по Донбассу не подтверждают таких выводов. А это, напомним, не просто два (а) наиболее интенсивных конфликта 2010-х годов, соответственно, на Ближнем Востоке (включая Северную Африку) и в Европе, но и конфликты, (б) лидировавшие в своих регионах по числу перемирий и (в) выведшие свои регионы в мировые лидеры предыдущего десятилетия по этому параметру. Кроме того, в ходе Минского мирного про-

³³ Более подробный перечень всех видов положений перемирий о демобилизации, разоружении и интеграции, регистрируемых РА-Х, см. в обзоре специалиста этой базы данных [Forster 2019: 4].

цесса по Донбассу на всём его протяжении действовала, хотя и не без препятствий и ограничений, масштабная и продолжительная международная миссия по мониторингу перемирия. Это не вполне типично даже для тех 17% перемирий, в ходе которых, по данным ETH/PRIO CF, вообще имеет место какой-либо мониторинг/верификация их соблюдения [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441]. Специальная мониторинговая миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СММ ОБСЕ) на Украине стала крупнейшей полевой миссией ОБСЕ и оперативным компонентом более широкого участия этой организации в Минском процессе³⁴. Роль СММ в мониторинге режима перемирия на Донбассе была закреплена в Минских соглашениях и неоднократно подтверждалась и уточнялась в последующих соглашениях и декларациях о перемирии, а число одних только международных наблюдателей достигало 700 человек (не считая других сотрудников)³⁵. Хотя, по мнению отдельных специалистов, развёртывание СММ «повысило порог для возобновления насилия» [Zagorski 2022: 121–122], мониторинг со стороны СММ обеспечил лишь фиксирование вооружённых и иных нарушений перемирия (неполное, по ряду объективных и субъективных причин), но никаким заметным образом не сократил, не повлиял и не мог повлиять на беспрецедентно высокий уровень таких нарушений³⁶. Имеющиеся достаточно полные и контекстные

данные по локальным и иным перемириям в Сирии также не подтверждают какого-либо влияния мониторинга на их эффективность [Karakuş, Svensson 2020].

В рамках «перемирий ради мира» также более активно и регулярно, чем в других типах соглашений о прекращении огня, используются так называемые *меры по укреплению доверия*, например регулярный обмен информацией и пленными и меры, осуществляемые под совместным контролем (совместные управление контрольно-пропускными пунктами, патрулирование). По имеющимся данным, в Сирии включение мер по укреплению доверия в соглашения о перемириях не только повышало шансы соблюдения режима прекращения огня, но и вообще оказалось единственным фактором, позитивно коррелирующим с соблюдением перемирий, особенно на локальном уровне [Karakuş, Svensson 2020]. Это, однако, свидетельствует лишь о том, что для успеха перемирий подходят только определённые конфликтные условия. Например, меры доверия могут использоваться и чаще применяются конкурирующими силами, но гораздо менее вероятны между жёсткими, тотальными антагонистами (особенно в высокоинтенсивных конфликтах, имеющих идеологическую основу и/или связанных с вопросами идентичности, как, например, в ходе российско-украинского вооружённого конфликта с 2022 года). В таких конфликтах отдельные виды мер доверия, например регулярный обмен пленными и пере-

³⁴ Оно включало в себя роль действующего председателя ОБСЕ в Трёхсторонней контактной группе (наряду с Украиной и Российской Федерацией), ставшей основной платформой для конкретных переговоров по стабилизации ситуации, в том числе с участием представителей донбасских республик, а также отдельную наблюдательную миссию ОБСЕ на пропускных пунктах с российской стороны границы вдоль территории, подконтрольной ДНР и ЛНР.

³⁵ Мониторинг СММ ОБСЕ, действовавшей с 14 марта 2014 по 31 марта 2022 года, включал наблюдения наземных патрулей, установку специальных камер, работу беспилотных летательных аппаратов малого, среднего и дальнего радиуса действия и общение с представителями разных социальных групп (органами власти всех уровней, гражданским обществом, этническими и религиозными группами и местными общинами).

³⁶ То же относится и к созданному Трёхсторонней контактной группой в поддержку перемирия и СММ ОБСЕ Совместному центру по контролю и координации режима прекращения огня и стабилизации линии разграничения сторон (СЦКК) с участием украинских и российских военных, который работал с сентября 2014 г. по декабрь 2017 г. и деятельность которого также свелась к наблюдательным функциям.

одическая, в том числе односторонняя, передача противнику тел убитых, чаще имеют место в рамках перемирий первого типа (как элемента военных действий).

Ещё одна важная специфика «перемирий ради мира» состоит в том, что не всё насилие в ходе мирного процесса нарушает перемирие и нацелено на его подрыв. В некоторых соглашениях о прекращении огня специально оговариваются виды вооружённой активности, которые не составляют нарушения перемирия. Среди них, например, операции по поддержанию мира, осуществляемые согласованными миротворческими силами (Минданао/Филиппины), полицейские операции и мероприятия, включая профилактическое патрулирование, следственные действия, операции по борьбе с преступностью, пиратством, угоном скота, захватом заложников, контрабандой и терроризмом (в Либерии, на Минданао), а также действия, направленные на защиту гражданских властей, населения и критической инфраструктуры той или иной стороны, и самооборона путём применения необходимой и пропорциональной силы [Forster 2019: 7].

Наконец, следует подчеркнуть, что применительно к «перемириям ради мира» речь идёт именно об их *взаимосвязи* с мирным процессом. Иными словами, не только перемирия служат последующему или текущему мирному процессу, но и наоборот: существует и обратная связь между мирным процессом и режимом перемирия. В ряде случаев заключение перемирия было не только не обязательно для начала неформальных консультаций второго трека, а потом и официальных переговоров о мире под эгидой ООН, но и в принципе стало возможным в относительно устойчивом виде лишь *после* достижения прогресса в мирных переговорах и параллельной структуризации и объединения сил вооружённой оппозиции (ради ведения переговоров). Примером может служить Гармский протокол, подписанный полевыми командирами таджикских правительственных и оппозиционных сил в сентябре 1996 г. спустя несколько лет после начала неформальных,

а потом и официальных мирных переговоров по межтаджикскому урегулированию. В целом относительно устойчивые перемирия нередко заключаются не до начала переговоров о мире, а на одной из их более поздних и продвинутых стадий.

Перемирие как состояние «ни мира, ни войны»

Итак, перемирия могут как играть чисто военную роль, так и служить целям поддержки и создания условий для мирных переговоров. При этом в рамках одного и того же конфликта роль и тип перемирий могут меняться по мере и в зависимости от эволюции целеполагания его сторон. Пока участники вооружённого конфликта рассчитывают решить его военным путём, перемирия остаются частью его военной динамики. Но если цели комбатантов по тем или иным причинам меняются (например, в силу многолетнего военного тупика и взаимного осознания невозможности осуществить военный разгром противника), то роль и назначение перемирий в таком конфликте могут измениться в пользу поддержки переговорного решения.

Вместе с тем функции и типы перемирий по их целеполаганию не сводятся к двум указанным традиционным категориям, то есть к прекращению, приостановке или сокращению насилия (а) в военных целях или (б) в целях поддержки и подготовки почвы для мирных переговоров. По тем контекстным условиям, в которых они применяются, особенно в XXI веке, и тем задачам, которые они решают, можно выделить перемирия как минимум ещё одного широкого типа.

В рамках конфликтной динамики — условно на пути от войны к миру — перемирия необязательно преследуют лишь чисто военные или мирные цели, или меняют свои основные задачи с военных на мирные, или должны ассоциироваться только со стадиями «войны» и «мирного процесса». На практике перемирия нередко застревают *на промежуточной стадии*, которую можно обозначить как состояние «ни мира, ни войны», и становятся её важ-

ным признаком и форматом. На этой стадии перемирия годами и даже десятилетиями могут служить устойчивыми рамками так называемых *замороженных конфликтов*, в том числе на фоне бесконечно затянувшихся, застопорившихся или малоперспективных мирных процессов (только из постсоветских примеров можно привести грузино-абхазский, южно-осетинский и нагорно-карабахский конфликты в Закавказье, приднестровский конфликт, а также конфликт на Донбассе в ходе Минского процесса, по крайней мере, на этапе конца 2010-х годов – конца февраля 2022). Также перемирие может быть процессом и формой определённого *упорядочивания* военно-политической ситуации и системы управления в ходе конфликта и даже *стабилизации* ситуации вплоть до прекращения масштабных военных действий в отдельных районах или на большей части территории страны (например, в Сирии), в отсутствие как однозначной и полной военной победы одной из сторон, так и полноценного и эффективного мирного урегулирования.

Два основных варианта, или стадии, перемирий этого типа имеют свою специфику, но не исключают один другого и могут развиваться одновременно и во взаимосвязи в рамках одного и того же конфликта.

В рамках первого варианта перемирия нередко становятся основным форматом замороженных (а чаще, скорее, «подмороженных» или вялотекущих) конфликтов в условиях «ни мира, ни войны». В ряде современных (пост)конфликтных зон состояние «ни мира, ни войны» может наблюдаться и в отсутствие какого-либо перемирия или на фоне / после его провала; как отмечалось выше, именно на такие контексты приходится более половины (!) исходов современных конфликтов, которые носят невыраженный характер. Вместе с тем значительная часть подмороженных, в том числе годами и десятилетиями, конфликтов всё же оформлена каким-либо перемирием или серией перемирий. Это могут быть:

– перемирия, заключённые в отсутствие мирного процесса или недотягивающие

до него (они используются не как возможность начать обсуждение мирного политического урегулирования – стороны объявляют и/или подписывают, а потом нередко продляют и/или нарушают обязательства прекратить насилие, не стремясь и не пытаясь при этом разрешить ключевые противоречия, лежащие в основе конфликта между ними);

– перемирия в контексте малоэффективного, буксующего или имитационного мирного процесса. Они могут быть связаны с этим процессом (например, множественные перемирия в ходе Минского мирного процесса по Донбассу), а могут иметь место и параллельно, и вне прямой или вообще какой-то зависимости от мирного процесса, как многие локальные и гуманитарные перемирия в Сирии, Ливии или Йемене.

В обоих случаях перемирия фактически становятся формализованными механизмами *регуляции* замороженных или подмороженных конфликтов. Более того, учитывая, что перемирия, даже если они не полностью соблюдаются, снижают цену ведения войны для их участников, они даже могут *ослабить* внутренние и внешние (международные) стимулы к мирным переговорам между сторонами конфликта. Иными словами, стороны могут быть реально заинтересованы в заключении и соблюдении перемирия и в обеспеченной им определённой степени стабилизации в отсутствие стремления двигаться по пути полноценного мирного урегулирования конфликта.

Ярчайшим примером трансформации основной роли и функций режима перемирия в виде его постепенного вползания в стадию «ни мира, ни войны» стала ситуация на Донбассе в условно межвоенный период (2015–2021 годы). Если серию перемирий на раннем этапе этого периода, несмотря на их регулярные нарушения и повторяющиеся провалы, ещё можно рассматривать как инструмент, подчинённый попыткам начать реальный мирный процесс («перемирия ради мира»), то примерно с 2017 года (и вплоть до возобновления полномасштабных военных действий в феврале 2022 года) на Донбассе сложилась ситуация, которую

трудно охарактеризовать иначе как положение «ни мира, ни войны». С одной стороны, на фоне всё более явной пробуксовки и тупиковости мирного процесса, когда не выполнялись практически все базовые пункты Минских соглашений, периодически возобновляемое перемирие оставалось единственным их пунктом, продолжавшим формально действовать и согласовываться. С другой стороны, в этих условиях основными функциями перемирий де-факто стали предотвращение эскалации непрекращавшегося вооружённого насилия и минимальная стабилизация ситуации по типу «ни мира, ни войны». Официальное объявление России «агрессором» в принятом в феврале 2018 г. на Украине Законе об интеграции и переходе Киева с мая 2018 г. от режима антитеррористической операции (АТО) на режим войсковой операции объединённых сил недвусмысленно отражали суть происходящего: растущую нацеленность Украины на решение проблемы Донбасса военным путём. Вне зависимости от периодически продолжавшихся, но постепенно терявших смысл переговоров всё это поставило крест на Минском процессе как на реальном пути мирного урегулирования задолго до его окончательного развала в начале 2022 года.

В сфере безопасности на Донбассе в течение шести лет до начала новой стадии конфликта налицо были четыре основных признака состояния «ни мира, ни войны»: (1) отсутствие крупных наступательных операций и кампаний, но при этом (2) крайняя непродолжительность «режимов тишины» до их первых серьёзных или серийных нарушений, (3) зашкаливающее (в данном случае – беспрецедентное) число нарушений перемирия в год и (4) несоблюдение гуманитарных положений перемирия и стабильно тяжёлая гуманитарная ситуация. Хотя по сравнению с интенсивными военными кампаниями 2014–2015 годов

на этом этапе ситуация в области безопасности на Донбассе улучшилась, она оставалась шаткой и носила характер балансирования на грани между миром и войной. В условиях военного тупика ни одна из сторон не расширила зоны своего территориального контроля и не имела явного военного преимущества, хотя гражданский и военный ущерб для ДНР и ЛНР был выше [Matveeva 2022: 94, 99, 103]. Первое перемирие после пересмотра Минских соглашений от 15 февраля 2015 г. не соблюдалось и получаса; максимальный срок соблюдения перемирий с 2016 г. по август 2020 г. составил три недели (а, например, объявленный 1 октября 2019 г. режим тишины продержался лишь сутки). Практически все перемирия (за частичным исключением перемирия с августа 2020 г. по февраль 2021 г.) не привели к существенному снижению вооружённого насилия, твёрдо оставшегося все эти годы на уровне конфликта низкой интенсивности, или малого конфликта³⁷. При этом с 2016 г. число нарушений перемирий, фиксируемых СММ ОБСЕ, стало зашкаливать: по данным первого заместителя главы СММ А. Хуга, в 2016 г. было зафиксировано более 320 тысяч (320 130) нарушений режима прекращения огня, а в 2017 г. – уже более 400 тысяч (401 336). Нарушения в основном были связаны с применением оружия, но включали и тысячи случаев размещения систем вооружения в нарушение Минских соглашений (более 3000 в 2016 г. и более 4000 в 2017 г.), ограничения свободы передвижения наблюдателей (около 2000 инцидентов в 2016 г. и почти 2500 в 2017 году) и др.³⁸ Несмотря на некоторое снижение вооружённого насилия в последние годы, уровень нарушений режима прекращения огня оставался настолько высоким (от 153 тысяч до более 200 тысяч инцидентов в 2019–2020 годах, включая до 50 тысяч одних

³⁷ По критериям Упсальской программы данных о конфликтах (от 25 до 1000 убитых в ходе боев-столкновений за календарный год; всё, что свыше – уже широкомасштабный конфликт, или война).

³⁸ ТАСС 2018. Хотя такое большое число нарушений отчасти отражает то, что ОБСЕ фиксировала в качестве отдельного нарушения любой инцидент (взрыв, подрыв на mine, обстрел, атаку, иногда даже выстрел), мониторинг СММ носил неполный характер (то есть фиксировались не все нарушения), что, напротив, играло роль понижающего коэффициента.

только взрывов в год), что есть смысл задаться вопросом о том, что в этих условиях считать нормой – нарушение перемирия или его соблюдение. Если же применить к ситуации на Донбассе критерий срыва перемирия в результате вооружённого насилия, предложенный методологами ETH/PRIO CF [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1443], то все перемирия на протяжении условно межвоенного периода³⁹ с лёгкостью превысили «средний» порог допустимого насилия (25 убитых/год), а большинство – и «высокий» порог (100 убитых), причём некоторые многократно.

В таких условиях перемирия на практике становятся не мостом между войной и миром, а средством фиксации распределения сил и власти между вооружёнными игроками и влияния на него. Это влияние может быть устойчивым и воздействовать на исход конфликта и характер постконфликтного мира. Это приводит нас ко второму варианту – перемирию как процессу упорядочивания конфликта и его стабилизации в отсутствие мирного процесса как такового или прогресса в ходе мирного урегулирования. Эта разновидность перемирий может предусматривать решение задач:

- формирования и установления зачатков порядка военного времени в сложных и зачастую сильно фрагментированных военно-политических условиях;

- первичного государственного строительства и восстановления или налаживания минимальных, базовых административных функций (как для государственных, так и для негосударственных игроков, имеющих такие амбиции);

- фиксирования и дальнейшего передела власти и влияния на локальном уровне.

Решая эти задачи, перемирия не только служат производной от характера, типа и динамики конфликта, но и сами начинают формировать эту динамику. В первой четверти XXI века наиболее заметным примером реализации сразу всех трёх перечис-

ленных задач стал Астанинский процесс по Сирии. В этой связи он заслуживает особого внимания, даже несмотря на то что этот пример – не самый типичный как в плане повышенной сложности сирийского конфликта, высокого уровня его фрагментации в сочетании с глубокой регионализацией и расширенной транснационализацией и интернационализацией, так и ввиду специфики процесса выхода из сирийской войны, который ещё не закончен.

С одной стороны, по сравнению с большинством локальных перемирий и так называемых зон безопасности в разных конфликтах и регионах, специфика зон деэскалации и локальных соглашений о прекращении огня в рамках Астанинского процесса заключалась в том, что меры по содействию прекращению огня имели абсолютный примат над всеми иными конкретными функциями перемирий, включая чисто гуманитарные. С другой стороны, Астанинский процесс изначально мыслился его основными создателями, особенно Россией и Турцией, как формат согласования и обеспечения долгосрочного перемирия в поддержку процесса политического урегулирования под эгидой ООН в Женеве (то есть как «перемирие ради мира»). Вместе с тем в условиях полного тупика в Женевских мирных переговорах под эгидой ООН и продолжающегося фрагментированного вооружённого противостояния «на земле» Астанинский процесс вышел далеко за рамки стандартного режима прекращения огня. В реальности он стал не только фактором воздействия на динамику конфликта, но и средством конструирования формирующегося (пост)конфликтного порядка как в локальном, так и в общесирийском масштабе. С конца 2010-х годов ситуация в Сирии характеризовалась сочетанием (а) частичного выхода из вооружённого конфликта во многих районах Сирии в результате постепенного распространения на них действия перемирий и государственного кон-

³⁹ За исключением отдельных, по определению кратких, сезонных («хлебных», «школьных», «рождественских») перемирий.

троля (включая успех трёх из четырёх зон деэскалации) с (б) сохранением неконтролируемых центральной властью вооружённых анклавов в Идлибе, ряде курдских районов, зонах, оккупированных силами Турции и США, и продолжением активности ряда вооружённых группировок, включая остатки ИГИЛ. В этих условиях, в отсутствие как однозначного и всеобъемлющего военного решения, так и внятного мирного процесса, Астанинский процесс фактически стал форматом и инструментом упорядочивания положения «ни мира, ни войны».

В целом во внутрисирийском контексте Астанинский формат способствовал консолидации и расширению контроля центрального правительства в районах, ранее подконтрольных вооружённой оппозиции, и переходу ряда её лидеров и группировок на сторону правительства (хотя параллельно он и временно усилил некоторые местные силы самообороны и другие полуавтономные проправительственные военизированные формирования и допустил сохранение оппозиционного анклава в идлибской зоне). При этом Астанинский процесс обеспечил и рост влияния внешних игроков из числа его коспонсоров, особенно роли России в сферах дипломатии и безопасности и военно-территориального контроля Турции на севере Сирии.

В условиях, когда перемирие фактически фиксирует, оформляет и упорядочивает режим «ни мира, ни войны», причём на долгосрочной основе, сохраняющийся уровень вооружённого насилия, *во-первых*, почти неизбежен, а *во-вторых*, определяется иными факторами и демонстрирует иную динамику, чем акты насилия в нарушение (или в поддержку) активно идущего мирного процесса или уже заключённого мирного соглашения. Соответственно, в рамках таких форматов на деле речь идёт не столько о максимально возможном предотвращении вооружённых инцидентов в нарушение перемирия и мирного процесса, сколько о рутинном регулировании насилия на приемлемом уровне и попытках не допустить того, чтобы оно вышло

из-под контроля и привело к масштабной эскалации. Иными словами, регулирование вооружённого насилия в рамках перемирия по типу «ни мира, ни войны» требует *иного инструментария*, чем в случаях перемирия как части полноценного мирного процесса.

Позитивным моментом здесь можно считать то, что перемирия как формат состояния «ни мира, ни войны» в целом *более стойки к их нарушениям* с применением вооружённого насилия, их труднее дестабилизировать даже преднамеренными, демонстративными актами насилия, включая теракты, а сами нарушения не несут в себе автоматической угрозы дестабилизации более широкого мирного процесса в силу его отсутствия или туловищности (то есть в политическом смысле и дестабилизировать особо нечего). Тем не менее негативный эффект перемирий этого типа связан с тем, что они не подчинены интересам и логике урегулирования конфликта — ни военным, ни мирным путём. Максимум того, что можно ожидать от таких перемирий, — это временная, пусть даже длительная, приостановка или снижение уровня насилия без разрешения его основных, глубинных противоречий и без какого-либо явного, выраженного или устойчивого его исхода.

* * *

После окончания «холодной войны» роль перемирий в ходе вооружённых конфликтов и в процессе перехода от войны к миру только возрастала. Хотя за весь период с 1990 г. соглашений о перемирии (и разделов о перемирии в рамках более широких договорённостей) было в два — два с половиной раза меньше, чем собственно мирных соглашений, в начале текущего века перемирия как вид исхода конфликта обошли и мирные соглашения, и военные решения конфликтов. Таким образом, если в течение первых двух десятилетий XXI века и фиксировалось явно выраженное и относительно устойчивое завершение конфликта, то оно с наибольшей вероятностью имело формат перемирия.

Хотя непосредственной задачей перемирия выступает временное или более длительное прекращение военных действий, это совершенно не обязательно означает его автоматической нацеленности на мирное урегулирование или привязки к мирному процессу. Проведённый анализ показал, что почти половина всех перемирий в мире либо ещё не является частью мирного процесса (то есть ещё не ставит целью создание условий для мирных переговоров, даже если они впоследствии стартуют рано или поздно), либо вообще не имеет отношения к политическому процессу урегулирования основных содержательных противоречий, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние. Более того, часть перемирий может явно или скрытно в качестве основных ставить цели, противоположные задаче мирного урегулирования конфликта.

Это диктует необходимость дополнения существующих технических типологий перемирий более содержательной типологией, связанной с их мотивационно-целевой направленностью (глубинным целеполаганием сторон) и с тем, к какой стадии конфликта относятся перемирия. Согласно этой типологии, перемирия можно подразделить на три основных вида: (1) перемирие как часть военных действий (тактическая пауза или передышка для решения военных задач, фиксирование баланса сил в ходе вооружённого конфликта); (2) перемирие ради мира (как способ создать условия для мирных переговоров или содействовать мирному процессу на стадии между войной и миром); (3) перемирие как формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в том числе как средство упорядочивания конфликта вплоть до достижения определённой стабилизации (в условиях подмороженного, замороженного или постепенно затухающего конфликта в отсутствие его однозначного, выраженного военного или мирного решения).

При этом в рамках одного и того же конфликта могут последовательно или параллельно иметь место перемирия разных, в том числе всех трёх, категорий. Например, в ходе сирийского конфликта ряд пе-

ремирий на национальном уровне, заключённых при международном посредничестве или внешними игроками (включая перемирия, закреплённые резолюциями Совета Безопасности ООН), были официально привязаны к мирному процессу под эгидой ООН в Женеве. Однако параллельно множество более локальных перемирий «на земле», особенно между различными группировками вооружённой оппозиции, носило чисто военный характер и ставило своей основной целью повышение эффективности вооружённой борьбы.

Более того, указанные категории могут отчасти пересекаться и накладываться одна на другую. Например, участники одного и того же режима перемирия могут на деле использовать его в разных конечных целях, как в случае череды перемирий в рамках Минского мирного процесса по Донбассу или подходов Дамаска (и отчасти Тегерана) и Москвы к Астанинскому процессу, особенно на его более ранних стадиях. Реальные цели и функции режима перемирия также могут постепенно видоизменяться. Например, Астанинский процесс изначально мыслился его основными коспонсорами, и прежде всего Россией, как режим прекращения огня в поддержку политического мирного урегулирования под эгидой ООН. Тем не менее по мере развития и укрепления Астанинского процесса на фоне продолжающейся пробуксовки Женевских мирных переговоров на практике режим перемирия стал средством упорядочивания состояния «ни мира, ни войны» и постепенной стабилизации ситуации на большей части территории страны в отсутствие однозначного и окончательного мирного или военного решения конфликта.

Таким образом, на разных этапах конфликта и в разных контекстах перемирия могут преследовать *разные* основные цели и задачи. Понимание того, что не все из них и не всегда сводятся к тому, чтобы, обеспечив прекращение огня, подготовить почву для переговоров о мире, и не все даже ставят основной целью сокращение или прекращение насилия, имеет *конкретный практический смысл*.

Во-первых, он состоит в определённом прояснении вопроса об эффективности (успехе или провале) перемирий в зависимости от их контекста и реального целеполагания сторон на конкретном этапе конфликта. Нет смысла ожидать от перемирия одного результата в условиях, когда одна, обе или все его стороны изначально и сознательно, явно или скрытно работают на иной результат. Неверное отнесение перемирия к одному из трёх указанных типов может дать существенное искажение в оценке его эффективности. Например, десятки тысяч и даже сотни тысяч нарушений режима перемирия, даже если он связан с каким-то мирным процессом (как в случае с перемириями на Донбассе в рамках Минского процесса), могут свидетельствовать не столько о невозможности обеспечить уровень безопасности для продвижения мирного урегулирования, сколько о том, что на деле этот режим трансформировался в относительно структурированный формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в отсутствие (в том числе временное) условий или возможностей у одной или нескольких его сторон для продвижения военного решения конфликта или его реального мирного урегулирования.

Не стоит априори ожидать и более высокой эффективности в плане прекращения огня от «перемирия ради мира» (по сравнению с перемириями других типов) лишь на том основании, что оно привязано к тому или иному мирному процессу. Привязка перемирий на Донбассе с 2014 г. по начало 2022 г. к Минскому мирному процессу никак не меняла того факта, что многократно возобновлявшийся режим перемирия стал одним из наиболее часто нарушаемых в мире (что больше говорит об изъянах самого мирного процесса, чем о перемириях как таковых). В Сирии все общенациональные перемирия, заключённые на международном уровне под эгидой ООН или в виде деклараций внерегиональных держав (США и России), потерпели провал. На этом фоне как перемирия в рамках Астанинского процесса (не претендовавшего на комплексное мирное политиче-

ское урегулирование на уровне ООН), так и ряд не связанных с этим процессом локальных перемирий оказались более успешными в плане содействия реальному прекращению огня на местах.

Во-вторых, соответственно, и вооружённое насилие в контексте перемирий разных мотивационно-целевых типов на тех или иных этапах конфликта применяется *в разных целях*, а, следовательно, требует и *разных подходов*, побуждающих к дальнейшему более детальному изучению. С одной стороны, вооружённое насилие редко прекращается, тем более полностью, с объявлением перемирия. Соответственно, одной из основных задач сторон и гарантов перемирий любых типов является контроль над насилием уже на этапе действия режима прекращения огня. В частности, в рамках «перемирий ради мира» должны быть предусмотрены такие встроенные механизмы и меры доверия, которые не позволяли бы случайным или целенаправленным актам вооружённого насилия надолго прерывать или подрывать мирный процесс.

С другой стороны, справедливо и обратное. Само по себе продолжение вооружённого насилия на стадии перемирия ещё не обязательно означает конец или провал перемирия или ведёт к нему. Даже после начала мирных переговоров для ранних стадий мирного процесса *типично* сочетание или чередование перемирий и возобновления вооружённых акций или столкновений. Более того, сочетание временного прекращения огня со всплесками вооружённого насилия – это вообще *норма* для большинства современных конфликтов вне зависимости от того, идёт ли мирный процесс или нет, а такой вид перемирия, как формат «ни мира, ни войны», в принципе предполагает лишь сокращение насилия (по сравнению с фазой активных военных действий) и некоторый контроль над ним, а не его прекращение. В целом, в зависимости от контекста и глубинного целеполагания сторон, перемирие может решать свои основные задачи даже в случае, когда оно не ведёт к полному прекращению огня.

Список литературы

- Бибешко Е.В., Шипилин П.И. Дипломатия перемирия: вопрос завершения советско-финской и начала лапландской войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 3–16.
- Давыдов О.В., Новичкова М.Н. Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 56–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-56-63.
- Дронова С.Ю. Взаимоотношения между Страной Басков и Мадридом после установления перемирия с ЭТА: современность и перспективы развития политического диалога // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 26–29.
- Ки Кван Со. Советско-китайско-северокорейские консультации по вопросу о заключении перемирия в Корейской войне // Вопросы истории. 2020. № 10-3. С. 274–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi47.
- Полякова Е.Ю. Ирландия в годы войны за независимость: от перемирия к мирному договору // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 120–130. DOI: 10.31857/S013038640020639-0.
- Степанова Е.А. Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9. С. 5–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5-18.
- Akebo M. Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study. Abingdon: Routledge, 2016. 230 p.
- Badanjak S. The PA-X Peace Agreement Database: reflections on documenting the practice of peacemaking // Pathways to Peace and Security. 2021. No. 2 (61). P. 24–42. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-24-42.
- Bara C., Clayton G., Rustad S.A. Understanding ceasefires // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 329–340. DOI: 10.1080/13533312.2021.1926236.
- Bell C., Badanjak S., Beujouan J., Eppe T., Forster R. et al. PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 4. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2020. 71 p.
- Bell C., Wise L. Peace processes and their agreements // Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict. R. Mac Ginty and A. Wanis-St. John (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 381–406.
- Chounet-Cambas L. Negotiating Ceasefires: Dilemmas and Options for Mediators. Mediation Practice Series. Geneva: Centre for Humanitarian Dialogue, 2011. 40 p.
- Clayton G., Nathan L., Wiehler C. Ceasefire success: a conceptual framework // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 341–365. DOI: 10.1080/13533312.2021.1894934.
- Clayton, G., Nygård H.M., Rustad S.C.A., Strand H. Ceasefires in civil conflict: a research agenda // Journal of Conflict Resolution. 2023. Vol. 67. No. 7–8. P. 1279–1295. DOI: 10.1177/00220027221128300.
- Clayton, G., Nygård H.M., Strand H., Rustad S.C.A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., Bara C. Introducing the ETH/PRIO Civil Conflict Ceasefire Dataset // Journal of Conflict Resolution. 2023. Vol. 67. No. 7–8. P. 1430–1451. DOI: 10.1177/00220027221129.
- Clayton G., Sticher V. The logic of ceasefires in civil war // International Studies Quarterly. 2021. Vol. 65. No. 3. P. 633–646. DOI: 10.1093/isq/sqab026.
- ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF). Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (ETH), Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://css.ethz.ch/en/research/datasets/civil-conflict-ceasefire.html#:~:text=The%20%E2%80%99CEH%2FPRIO%20Civil%20Conflict,civil%20conflicts%20across%2065%20countries> (accessed: 20.01.2023).
- Forster R. Ceasefire Arrangements. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2019. 15 p.
- Fortna V.P. Peace Time: Cease-Fire Agreements and the Durability of Peace. Princeton: Princeton University Press, 2004. 264 p.
- Haysom N., Hottinger J. Do's and Don'ts of Sustainable Ceasefire Agreements. Presentation revised for use by Peace Appeal in Nepal and Sri Lanka; initially presented to the Intergovernmental Authority for Development (IGAD) Sudan Peace Process Workshop on Detailed Security Arrangements in Sudan During the Transition. 2010. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/DosAndDontofCeasefireAgreements_HaysomHottinger2010.pdf (accessed: 02.02.2023).
- Hinnebusch R., Imady O. Syria's reconciliation agreements // Syria Studies. 2017. Vol. 9. No. 2: The Day After: Post-Uprising Realities and Challenges. P. 1–14.
- Höglbladh S. UCDP Peace Agreement Dataset Codebook Version 22.1. Uppsala: Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2022. 14 p.

- Karakuş D. C. Resolution of local conflicts involving armed Islamists: The Syrian civil war, 2011–2021 // Pathways to Peace and Security. No. 1 (64). P. 58–75. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-58-75.
- Karakuş D.C., Svensson I. Between the bombs: exploring partial ceasefires in the Syrian Civil War, 2011–2017 // Terrorism and Political Violence. 2020. Vol. 32. No. 4. P. 681–700. DOI: 10.1080/09546553.2017.1393416.
- Kreutz J. Uppsala Conflict Termination Dataset. Codebook. v.3 (2021). Uppsala: Uppsala Conflict Data Program, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2021. 13 p.
- Mac Ginty R. No War, No Peace: The Rejuvenation of Stalled Peace Processes and Peace Accords. Rethinking Peace and Conflict Studies Series. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2006. 230 p.
- Matveeva A. Donbass at limbo: self-proclaimed republics in the inter-war period (2014–2021) // Pathways to Peace and Security. 2022. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 92–106. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-92-106.
- PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements). 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (accessed: 15.06.2023).
- PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 7. 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org> (accessed: 15.06.2023).
- Slantchev B.L. The principle of convergence in wartime negotiations // American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 4. P. 621–632.
- Sosnowski M. Negotiating statehood through ceasefires: Syria’s de-escalation zones // Small Wars and Insurgencies. 2020. Vol. 31. No. 7–8. P. 1395–1414. DOI: 10.1080/09592318.2020.1829872.
- Stedman S.J. Spoiler problems in peace processes // International Security. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 5–53. DOI: 10.2307/2539366.
- Stepanova E. Terrorism as a tactic of spoilers in peace processes // Challenges to Peacebuilding: Managing Spoilers During Conflict Resolution. E. Newmann and O. Richards (eds.). Tokyo: United Nations University Press, 2006. P. 78–104.
- Sticher V., Vuković S. Bargaining in intrastate conflicts: the shifting role of ceasefires // Journal of Peace Research. 2021. Vol. 58. No. 6. P. 1284–1299. DOI: 10.1177/0022343320982658.
- UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021. 1946–2020. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed: 21.01.2023).
- UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. 2022. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement> (accessed: 21.01.2023).
- Zagorski A. The OSCE, Ukraine, and peace process // Pathways to Peace and Security. 2022. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 121–132. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-121-132.

CEASEFIRES AS A PART OF WAR, PEACE PROCESS, OR A “NO PEACE, NO WAR” FORMAT

EKATERINA STEPANOVA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

Ceasefires are increasingly relevant for contemporary conflicts and conflict management. During the first two decades of the 21st century, ceasefires also became the most widespread form of outcome for

conflicts with any conclusive outcome. Half of all ceasefires, however, either had not yet been part of a political negotiated process to address key incompatibilities contested in an armed conflict, or had no relation to any peace process at all. A ceasefire in its traditional interpretation – as a technical stage on the way to peace – increasingly becomes a ceasefire in the absence of peace and a pragmatic alternative to a stalled peace process. What are the goals and functions of ceasefires at different conflict stages, including, but not limited to, a peace process? What are the main types of ceasefire based on its key function in conflict and on underlying goals and motivations of its parties? The article explores these questions at the theoretical/conceptual and empirical levels, on the basis of analysis of available statistical data and drawing upon concrete examples in various contexts, with special attention to conflicts in Syria and Donbass. It offers an original functional-motivational typology of ceasefires classified into three types: ceasefires as part of hostilities; ceasefires ‘for the sake of peace’ that aim at supporting and preparing conditions for peace negotiations; and ceasefires as a format of an intermediate state of ‘neither peace, nor war’, including as a means of structuring this semi-frozen state to achieve a degree of stabilization. In practical terms, this typology helps clarify (a) the issue of effectiveness – success of failure – of a ceasefire that should not be expected to advance or deliver one type of outcome if one or all of its parties deliberately seek to use it to achieve another type of outcome; (b) the role of the factor of armed violence at the stage of a ceasefire that may achieve its main, underlying goals even if it does not lead to lasting cessation of hostilities.

Keywords:

ceasefires; armed conflicts; peace processes; violence; functional-motivational typology.

References

- (2021). ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF). Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (ETH), Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://css.ethz.ch/en/research/datasets/civil-conflict-ceasefire.html#:~:text=The%20%E2%80%9CETH%20PRIO%20Civil%20Conflict,civil%20conflicts%20across%2065%20countries> (accessed: 20.01.2023).
- (2021). UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021. 1946–2020. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed: 21.01.2023).
- (2023). PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements). 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (accessed: 19.07.2022).
- (2023). PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 7. 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org> (accessed: 20.01.2023).
- (2022). UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement> (accessed: 21.01.2023).
- Åkebo M. (2016). *Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study*. Abingdon: Routledge. 230 p.
- Badanjak S. (2021). The PA-X Peace Agreement Database: Reflections on documenting the practice of peacemaking. *Pathways to Peace and Security*. No. 2 (61). P. 24–42. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-24-42.
- Bara C., Clayton G., Rustad S.A. (2021). Understanding ceasefires. *International Peacekeeping*. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 329–340. DOI: 10.1080/13533312.2021.1926236.
- Bell C., Badanjak S., Beujouan J., Epple T., Forster R. et al. (2020). *PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 4*. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. 71 p.
- Bell C., Wise L. (2022). Peace Processes and Their Agreements. In R. Mac Ginty and A. Wanis-St. John (eds.). *Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 381–406.
- Bebeshko E.V., Shipilin P.I. (2020). Diplomatiya peremiriya: vopros zaversheniya sovestso-finskoi i nachala laplandskoi voiny [Ceasefire diplomacy: The issue of ending the Soviet-Finnish war and starting the Lapland war]. *Uchonyie zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta: Istoricheskiye nauki* [Research Notes of the Crimean Federal University: History]. Vol. 6 (72). No. 1. P. 3–16.

- Chounet-Cambas L. (2011). *Negotiating Ceasefires: Dilemmas and Options for Mediators*. Mediation Practice Series. Geneva: Centre for Humanitarian Dialogue. 40 p.
- Clayton G., Nathan L., Wiehler C. (2021). Ceasefire success: a conceptual framework. *International Peacekeeping*. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 341–365. DOI: 10.1080/13533312.2021.1894934.
- Clayton G., Nygård H.M., Rustad S.C.A., Strand H. (2023). Ceasefires in civil conflict: a research agenda. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 67. No. 7–8. P. 1279–1295. DOI: 10.1177/00220027221128300.
- Clayton G., Nygård H.M., Strand H., Rustad S.C.A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., Bara C. (2023). Introducing the ETH/PRIO civil conflict ceasefire dataset. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 67. No. 7–8. P. 1430–1451. DOI: 10.1177/00220027221129.
- Clayton G., Sticher V. (2021). The logic of ceasefires in civil war. *International Studies Quarterly*. Vol. 65. No. 3. P. 633–646. DOI: 10.1093/isq/sqab026.
- Davydov O.V., Novichkova M.N. (2020). Mirnyy protsess na Koreiskom poluostrove: problemy i puti razvitiya [Peace process on the Korean peninsula: problems and prospects]. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. No. 1. P. 56–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-56-63.
- Dronova S.Yu. (2017). Vzaimootnosheniya mezhdru Stranoi Baskov i Madridom posle ustanovleniya peremiriya s ETA [Relations between the Basque State and Madrid following a ceasefire with ETA]. *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. No. 2. P. 26–29.
- Forster R. (2019). *Ceasefire Arrangements*. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. 15 p.
- Fortna V.P. (2004). *Peace Time: Cease-Fire Agreements and the Durability of Peace*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Haysom N., Hottinger J. (2010). *Do's and Don'ts of Sustainable Ceasefire Agreements*. Presentation revised for use by Peace Appeal in Nepal and Sri Lanka; initially presented to the Intergovernmental Authority for Development (IGAD) Sudan Peace Process Workshop on Detailed Security Arrangements in Sudan During the Transition. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/DosAndDontofCeasefireAgreements_HaysomHottinger2010.pdf (accessed: 02.02.2023).
- Hinnebusch R., Imady O. (2017). Syria's reconciliation agreements. *Syria Studies*. Vol. 9. No. 2: The Day After: Post-Uprising Realities and Challenges. P. 1–14.
- Höglbladh S. (2022). *UCDP Peace Agreement Dataset Codebook Version 22.1*. Uppsala: Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. 14 p.
- Karakuş D.C. (2023). Resolution of local conflicts involving armed Islamists: the Syrian civil war, 2011–2021. *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (64). P. 58–75. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-58-75.
- Karakuş D.C., Svensson I. (2020). Between the bombs: exploring partial ceasefires in the Syrian Civil War, 2011–2017. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 32. No. 4. P. 681–700. DOI: 10.1080/09546553.2017.1393416.
- Ki Kvan So (2020). Sovestko-kitaisko-severokoreiskiye konsultatsii po viprosu of zakluchenii peremiriya v Koreiskoi voine [Soviet-Chinese-North Korean consultations on ceasefire in the war in Korea]. *Voprosy istorii* [History Issues]. No. 10-3. P. 274–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi47.
- Kreutz J. (2021). *Uppsala Conflict Termination Dataset Codebook. v.3 (2021)*. Uppsala: Uppsala Conflict Data Program, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. 13 p.
- Mac Ginty R. (2006). *No War, No Peace: The Rejuvenation of Stalled Peace Processes and Peace Accords*. Rethinking Peace and Conflict Studies Series. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan. 230 p.
- Matveeva A. (2022). Donbass at limbo: self-proclaimed republics in the inter-war period (2014–2021). *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 92–106. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-92-106.
- Polyakova Ye.Yu. (2022). Irlandiya v gody voiny za nezavisimost': ot peremiriya k mirnomu dogovoru [Ireland during the war for independence: from ceasefire to peace treaty]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2022. No. 5. P. 120–130. DOI: 10.31857/S013038640020639-0.
- Slantchev B.L. (2003) The principle of convergence in wartime negotiations. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 4. P. 621–632.
- Sosnowski M. (2020). Negotiating statehood through ceasefires: Syria's de-escalation zones. *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 31. No. 7–8. P. 1395–1414. DOI: 10.1080/09592318.2020.1829872.

- Stedman S.J. (1997). Spoiler problems in peace processes. *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 5–53. DOI: 10.2307/2539366.
- Stepanova E.A. (2022). Peace process: On substantive definition. *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 9. P. 5–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5–18.
- Stepanova E. (2006). Terrorism as a tactic of spoilers in peace processes. In E. Newmann and O. Richards (eds.). *Challenges to Peacebuilding: Managing Spoilers During Conflict Resolution*. Tokyo: United Nations University Press. P. 78–104.
- Sticher V., Vuković S. (2021). Bargaining in intrastate conflicts: The shifting role of ceasefires. *Journal of Peace Research*. Vol. 58. No. 6. P. 1284–1299. DOI: 10.1177/0022343320982658.
- Zagorski A. (2022). The OSCE, Ukraine, and peace process. *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 121–132. 10.20542/2307-1494-2022-1-121-132.